

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.
НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ОКРАИНА“
Единственный частный органъ печати въ
Средней Азіи.

Съ 1-го Января 1896 г. „Окраина“ будетъ выходить по той же програмѣ. Газета по прежнему будетъ посвящать большое вниманіе переселенческому дѣлу въ краѣ, положенію сельскаго хозяйства и вообще отнѣсаться на все мѣстные нужды и интересы. Въ виду этого предполагено развить въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ отдѣлъ корреспонденцій, особенно изъ Коканда, Анджака и другихъ хлопковыхъ центровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширенъ будетъ отдѣлъ внутреннихъ извѣстій съ цѣлью дать читателямъ возможно болѣе полный отчетъ о всехъ важнѣйшихъ явленіяхъ въ жизни остальной Россіи.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Романовская ул., д. Смирнова и въ Центральномъ книжномъ магазинѣ „Буквинистъ“.

Подписная цѣна съ пересылкою: на 1 годъ—5 руб., на $\frac{1}{2}$ года—3 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп.

НОМЕРА ДЛЯ ПРОѢЗЖАЮЩИХЪ

• Ташкентскаго 1-й гильдинъ кушца

Арифъ-Ходжи Азисъ-Ходжинова.

Ирджарская ул., собств. домъ.

Номера отъ **ОДНОГО** до **ТРЕХЪ** рублей въ сутки.

Каждый номеръ состоитъ изъ двухъ комнатъ и передней.

Готовая постель, прислуга, электрическіе звонки и пр.

20 Января 1896 г.
г. Ташкентъ.

Сабашеву
отъ редактора.

СРЕДНЯЯ АЗІЯ

АЛЬМАНАХЪ

Научно-литературный сборникъ съ календаремъ на 1896 годъ.

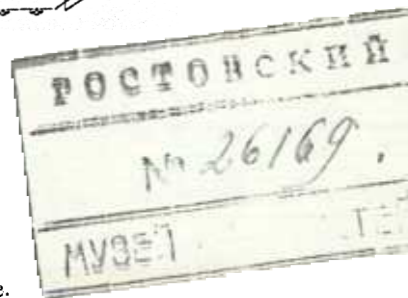
Подъ редакцію Е. Т. Смирнова.

Изданіе центрального книжнаго магазина
подъ фирмой „БУКВИНИСТЪ“ въ Ташкентѣ.

ТАШКЕНТЪ.

Типо-Литографія торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменскіе.

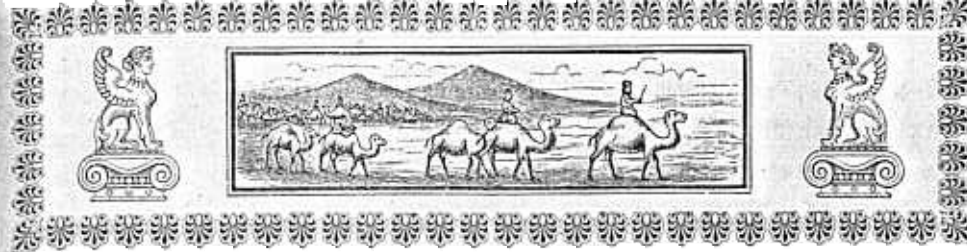
1895.

постепенно въ сознание массы, что женщина имѣетъ тѣже права на свою судьбу, какъ и мужчина. Есть еще способъ, который радикальнѣе, но онъ вызоветъ слишкомъ большую ломку и, какъ всякая крупная мѣра, можетъ вызвать неудовольствіе и самыя благія намѣренія могутъ сдѣлаться непопулярными и дискредитировать мѣропріятія правительства, что конечно не желательно: это воспреещеніе біямъ принимать и разбирать, какія то ни было дѣла и споры, основанныя на калымѣ, подѣ страхомъ отвѣтственности. Настало, наконецъ время, когда вопросъ о калымѣ долженъ обратить серьезное вниманіе, какъ изслѣдователей народнаго быта, такъ и практическихъ дѣятелей, такъ какъ принимая все болѣе и болѣе форму спекуляціи, приближая киргизку къ типу мусульманской женщины, онъ идетъ въ разрѣзъ съ просвѣтительной задачей Россіи на Востокъ и долженъ вызвать глубокое негодованіе всякаго образованнаго человѣка, которому приходится сталкиваться съ такимъ явленіемъ и, сложа руки, слѣдить за тѣми результатами, къ которымъ онъ приводитъ, низводя женщину до положенія выючнаго животнаго, не имѣющую выхода изъ своего зависимаго и рабскаго состоянія.

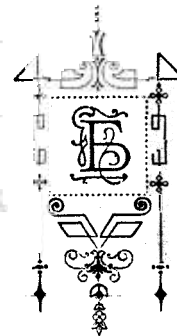
30-го Мая 1895 года.
Гор. Аулізата.

И. Анничковъ.

Шурá-Батыръ.

(Киргизская былина^{*)}).

Шыль въ древнія времена городъ Казань¹⁾, обитали въ немъ народы, носившіе названіе Тама. Въ числѣ ихъ жили три брата. Старшаго звали *Кариббаемъ*, средняго *Нарикбаемъ*, а младшаго *Исымъ-біемъ*. Нарикбай обладалъ безчисленнымъ количествомъ скота, но не имѣлъ дѣтей. Скотъ его пасли 40 юртовладѣльцевъ, таминцевъ, постоянно кочевали съ нимъ и вообще были его вѣрными слугами. Такъ въ довольствѣ текла мирная жизнь Нарикбая.

Именитый богачъ *Анасбай* задумалъ устроить небывало-блестательный той²⁾, который долженъ былъ превзойти и затмить своею пышностью и многочисленностью всѣ той, какіе до того устраивались въѣмъ-либо. На той было приглашено все населеніе, жившее по верхнему и нижнему теченію рѣки, а также всѣ окрестные обитатели. Зарѣзано было множество кобылъ, иноходцевъ и огромное количество барановъ. Народъ пировалъ тридцать

^{*)} Записана со словъ киргиза Чимкентскаго уѣзда Майлы-ходжа Султанъ-ходжина.

¹⁾ Казань, по-киргизски котель, названіе нынѣшняго города Казани. Мы сохранили здѣсь киргизскую транскрипцію.

Кажется, что авторъ ошибается, приурочивая гор. Казань тюркской легенды къ «нынѣшнему гор. Казани». Городъ подобнаго названія существовалъ въ Алмалыѣ (теперешнее Семарѣе), близъ древней родины тюркскихъ ордъ. Какъ легенда, упоминающая мѣстности сѣверо-западной части Азіи, такъ и ея рассказчикъ едва ли знаютъ европейскую Казань; въ жизни средне-азіатцевъ она никакой роли не играла.

Редакт.

²⁾ Пиръ, иршество, свадьба. Обыкновенно «той» устраивается киргизами въ выдающихся случаяхъ. Напрямѣрь, при обрѣзаніи сына, при женитьбѣ и, наконецъ, на поминкахъ.

Уней и затѣмъ еще провозжалъ той сорокъ Уней. Бывшіе на иринесть поражались великодушіемъ и градіюозностью затѣяннаго ира, а тѣ, которые не могли принять участіе въ той, долго объ этомъ сожалѣли и называли себя простотилки, такъ какъ, по великодушію своему, той вышелъ какъ царскій.

Нарикай обидать "гуларомъ" (бывшій скакункомъ) чубарой исти, которому было всего-то четыре года отъ рожденія. Проказошеть онъ отъ обыкновенной кобылицы и отъ жеребца горной породы. Рожденъ онъ, нато полагать, въ добрый часъ и, по воли Всевышняго, превосходитель красотою гуларовъ всего міра. Соперниковъ по бистротѣ ему не было, онъ не обидать за него такое количество тилей, какое можно бы было умѣстить въ кожаномъ мѣшкѣ, шиломъ изъ пыльной кошачьей лапки, вѣдущіе по остереннымъ дѣламъ, при видѣ гулара остававлялись, какъ вкопан-ные, забывали свои неотложные дѣла, любуясь красотою чубарого коня.

У Нарикай былъ племянникъ, по имени *Tasam-Mura*, который пришелъ къ нему съ просьбой.

— О, Нарекей! одолжите мнѣ вашего чубаро-гулара съвѣзуть на той Анасар. Я получу тамъ первый призъ на скачкахъ, а укачу пер-выкъ съ "кобыри"²), а опережу всѣхъ гордыхъ сыновей богачей, при-нявшихъ участіе на скачкахъ, а въ одинъ мигъ промечу всю вселенную, чтобы насладиться природою всего міра и буду напоминать собою пѣвца жившаго Рустамъ-батыра! сказать съ жаромъ Тасанъ-мира. Но Нарикай не рѣшился исполнить просьбы Тасанъ-мира.

О, свѣтль мой, Тасанъ! имьющій дѣтей, забываешь дѣтми, немньющій ихъ, забываешь сыномъ. Знаешь-ли ты, что богатство выше богатства? Не зря-же въ старину говаривали: родство "горько", а богатство — "сладко", такъ же сладко какъ и жизнь, когда наступиваетъ смерть.

Вѣтъ чубарый-гуларъ для меня все: посмотрю направо, онъ мнѣ кажется сыномъ, полизжу надрво—дочерью. Нападетъ ли на меня тоска юная—посмотрю на него, развлекусь. Да и какъ не развлекаться такимъ кроввинцемъ, когда имъ любуются и малыи и старши, и бѣднякъ и ханъ. Вѣтъ если ты теперь пойдешь на немъ, всѣ мои друзья и недруги стануль говорить и указывать, что вотъ, моль, Нарикай не имѣеть ни-

1) Нарекей—смерщенное имя Нарикай и означаетъ: даян Нарикай. Частна «ке» при-бавляется къ имени старшаго по возрасту.
2) Превотъ кобыри (испытъ коня) при разостныхъ событияхъ, какъ-то: провозахъ доверн съ менюкомъ, приѣздъ невесты въ домъ теста, помини, обрѣзаніи и т. д.

какой власти: какъ даян дурному своему неопытеннаго гулара, котораго онъ въ другое время не забываетъ-бы даже на поминки своего отца, или не общалъ-бы принести его въ жертву святому, если-бы пате чалин, постигло его какое-либо несчастье. Такъ вотъ, мой дурль, выбирай изъ монхъ табуновъ любаро коня, а гулара оставь въ покоръ.

Нѣтъ, воля ваша, дурлаго коня мнѣ не нужно. Дѣлать, что уинанлъ себя и пришелъ къ вамъ за гуларомъ. Вы были всегда дика-выкъ челоуѣкомъ, за что и изушили васъ Лоспуръ и обречь на вѣчную бездѣлность. Теперь будите покойни, никтоа и не обратись къ вамъ ни съ какой просьбой, если-бы даже Всевышній покрылъ мракомъ всю все-ленную и меня съ ней вмѣстѣ, возвращать крайне раздраженный Тасанъ и идишу.

Разгнѣванный Нарикай схватилъ нагайку и побѣжалъ за Тасаномъ, но не догналъ его, сильно, со злобою ударилъ нагайкой о землю и зары-далъ, проливая горькія слезы. Онъ жестоко былъ обиженъ тѣмъ, что Та-санъ назвалъ его дукавиль.

Расположеніе духа Нарикай испортилось окончательно, побѣзку свою къ Анасаро онъ отмѣнилъ, верблюдомъ, навьюченникъ для его тов велѣтъ разовьючить, а самъ лѣтъ на землю и заглянса вновь неутѣшными слезами. Успокоившись нѣсколько, онъ велѣтъ зарѣзать барановъ, созвать окрестный народъ и своихъ слугъ и улостилъ всѣхъ мясомъ и кумызомъ³) на езау. Съ этого момента у Нарикай созрѣла мысль. Онъ безповоротно рѣшилъ покинуть свою страну, скитаться по чужимъ землямъ, горючо молить Бога и праведныхъ святыхъ о ниспосланиі ему дѣтей. И вотъ, наконечъ, настала дѣнь; онъ началъ прощаться съ почтенными людьми и съ народомъ и, принявъ благословеніе стариковъ, собрался въ путь.

Чему только не подвергается голова челоуѣка и конято лошади! Кута только судра не заклинаеть челоуѣка, если ему суждено отвѣдять въ извѣстной мѣстности хлѣба и соли, или предопредѣлено обрѣсти тамъ смерть?... Да, дороте мой, а понкаяую свою милую родину, родину въ ро-торой отрѣзали мнѣ пупокъ при появленіи моемъ на Божій свѣтъ, родину, въ которой съ раннато дѣтства и до сихъ Уней стиралось мое бѣды и гдѣ я въ счастливые дѣтскіе годъ рвался, игралъ и всееллиа... О, роина, о, дѣтство, какъ мнѣ васъ жалъ! съ разбитымъ сердцемъ и тѣсно вздыхая сказалъ Нарикай.

1) Мы пишемъ «кумыль», а не «кумыль», какъ это ошибочно принято писать. Потому что «кумыль» на киргизскомъ языкѣ имѣеть другое значеніе, а именно «серебро».

Присутствующіе при этомъ настолько были тронуты словами Нарикбая, что на глазахъ ихъ показались слезы и застывали вдоль рѣсницъ на подобіе мелкаго горошка. Они словно предчувствовали, что прощаются съ Нарикбаемъ навсегда.

Кариббая и Исымъ-бія во время отъѣзда Нарикбая небыло, они находились далеко въ калмыцкихъ и киргизскихъ степяхъ. Затѣмъ, Нарикбай обратился къ своимъ вѣрнымъ слугамъ, сорока юртовладѣльцамъ, таминцамъ:

— „Приглашай родственниковъ обѣдать, а не работать“, говоритъ пословица. Вы видите, что я поборолъ свою волю, покидаю насиженныя мѣста и иду въ другія земли для того, чтобы обратиться въ мусафира¹⁾, мыкать горе по святымъ мѣстамъ и просить у Милосерднаго дѣтище. Какой прокъ отъ того, что я слылъ здѣсь богачемъ, когда богатство мое останется безъ хозяина. Горькая и сладкая судьба посылается Всевышнимъ. То и другое испытывается человѣкомъ по волѣ того же Милостиваго. Въ странѣ чужой мы не будемъ зависѣть отъ себя, нынѣ времена уже не тѣ. Будемъ ли владѣть этимъ скотомъ, или нѣтъ, будемъ ли богаты, или бѣдны—неизвѣстно. Все зависитъ отъ рока и судьбы, начертанныхъ невидимыми знаками на лбу каждаго человѣка. Пока я дѣйствую по собственной волѣ, а кто поступаетъ такъ, тотъ не долженъ потомъ раскаиваться. Такъ вотъ, вѣрные мои таминцы, хотите слѣдовать за мной, или нѣтъ? Говорите откровенно, не щадя моего самолюбія. Предупреждаю васъ, если въ чужихъ краяхъ насъ постигнетъ несчастіе, вы должны приписать это волѣ Всевышняго, а не мнѣ.

— О, Нареке! въ счастливые твои дни мы пользовались силою и обильнымъ молокомъ твоего безчисленнаго скота, что не носилъ (платье) ты, то донасивали мы, на чемъ ты не ѣздилъ, ѣздили мы. Ты собрался покинуть родину; какъ мы можемъ растаться съ тобою? Насъ убьетъ хлѣбъ и соль, которыми такъ долго пользовались мы отъ тебя. Гдѣ ты положишь свою голову, тамъ сложимъ и мы свои. Если будешь ты благоденствовать, и намъ будетъ хорошо. Горе и радость станемъ дѣлить съ тобою и все, что ни случится, припишемъ единому Повелителю, сказали таминцы.

• Нареке остался весьма доволенъ своими слугами, успокоился и, наконецъ, тронулся съ многочисленными своими табунами изъ города Казана,

по направленію къ городу Акъ-кала¹⁾. Пробывъ въ дорогѣ полмѣсяца, онъ достигъ прекрасныхъ луговыхъ мѣстъ и приказалъ разставить свои огромныя прекрасныя юрты, привязать на приколья жеребятъ, пригнать для дойки кобыль и т. д. Выставили нѣсколько десятковъ „саба“²⁾ и съ шумомъ наполняли ихъ кумызомъ; словомъ, обычная жизнь закипѣла.

Спустя нѣсколько дней сюда же прибылъ и Исымъ-бія, съ цѣлью уговорить Нарикбая вернуться обратно.

— О, Нареке! не покидайте насъ, вернитесь обратно. Миръ нашъ состоитъ изъ семи частей свѣта и изъ 18000 твореній и все это подвластно суду Всевышняго. Богъ у насъ одинъ, другаго быть не можетъ. Вѣдь не получили же вы откровенія свыше, что именно внѣ Казана пошлетъ вамъ Господь младенца. Надо покоряться Его волѣ, Онъ милосердъ, можетъ быть и наградитъ васъ дѣтищемъ. А покидать на вѣки единоутробныхъ, это уже слишкомъ тяжело. Не даромъ говоритъ пословица:

جتى قابات قار جاوسه جوتامايدى ساويسقان
جتى سى جوق بولسه چيدامايدى تويسقان

(Хотя и въ семь слоевъ выпадетъ снѣгъ, не гибнетъ сорока, хотя и не будетъ имѣть самолюбія, не устоитъ единоутробный).

— Дорогой мой свѣтикъ, Исымъ! я не разстанусь съ желаніемъ имѣть дѣтя, я жилъ этой надеждой. Вотъ почему я всецѣло поручилъ себя Богу. Ради Создателя, не отговаривай меня. Ты сдѣлаешь великое одолженіе, если будешь молиться за меня въ пятикратныхъ своихъ намазахъ.

Нарикбай былъ неумолимъ и непреклоненъ. Исымъ, потерявъ всякую надежду удержать брата на родинѣ, зарыдалъ, крѣпко сжалъ его въ своихъ объятіяхъ и съ растерзаннымъ сердцемъ поѣхалъ обратно. Такъ простились два любящихъ брата, можетъ быть, на вѣчныя времена.

По отъѣздѣ Исыма, Нарикбай собрался въ дальнѣйшій путь и ровно черезъ годъ прибылъ съ своими таминцами въ Акъ-калу. Здѣсь въ окрест-

¹⁾ Акъ-кала, по свѣдѣніямъ киргизъ, нынѣшній Шура-ханъ (Петро-Александровскъ). Шураханъ происходитъ отъ имени Шура, такъ какъ Шура-батыръ впоследствии былъ ханомъ въ Акъ-кале.

²⁾ Саба—бурдюкъ (большая изъ 4-хъ кожъ сшитая посуда, въ которой дѣлается и хранится кумызъ; она внизу квадратная, но потомъ суживается въ видѣ четырехсторонней пирамиды, съ длиннымъ какъ рукавъ отверстіемъ, называемымъ мунъюн *مويون* шея), *صاباياق*, «Саба-аякъ» деревянная подставка, въ которую устанавливаютъ сабу.

ностяхъ города онъ расположился большимъ ауломъ, а на необъятныхъ лугахъ „Кермесынъ-сазы“ паслись его несмѣтные табуны.

Вѣдѣнію Акъ-калы принадлежали сорокъ тысячъ юртовладѣльцевъ изъ рода „Айракды“ и десять тысячъ изъ рода „Ногайлы“. Ханъ этой страны происходилъ отъ Ногайлинцевъ, а бій отъ Айрактинцевъ.

Управлялъ ранѣе страню Темиръ-ханъ, но онъ былъ отравленъ и возведенъ на престолъ сынъ его, по имени Кара-ханъ. Послѣдній ни во что не вникалъ, а полновластнымъ хозяиномъ былъ Али-бій, происходившій изъ рода Айракды. Властелинъ этотъ отличался крайнею жестокостью и безсовѣстностью. Отбиралъ у прохожихъ серпы и кетмени и облагалъ народъ ежемѣсячно налогами. Жилъ онъ только взятками, думы его—черныя, а судъ его какъ колодезь, съ изворотами, сколько бы не лилось въ него—ни наполнится.

Однажды Али-бій съ сорока его джигитами и съ соколами выѣхалъ на охоту. Когда онъ подѣхалъ къ Кермесынъ-сазу, то увидѣлъ огромные табуны таминцевъ и пришелъ въ необычайный восторгъ, предвкушая полученіе огромнаго зякета.

— Что это за народъ, откуда вы кочуете? спросилъ Али-бій одного мальчика.

— Мы кочуемъ изъ Казана, приходимъ изъ рода „тама“. Хозяинъ нашъ, по милости Вседержителя, обладаетъ богатствомъ, но не имѣетъ дѣтей. Ради этого онъ покинулъ родину и вотъ, какъ видишь, мы теперь обрѣтаемся въ чужихъ земляхъ.

Ничего на это не возразилъ Али-бій, а только слегка улыбнулся, какъ-бы говоря: „доберусь-же я до васъ, милые соколики, и проглочу васъ какъ змѣй-удавъ“.

О, мой господинъ! спѣшу доложить вамъ о необычайномъ явленіи въ вашихъ владѣніяхъ. Вчера я ѣздилъ на охоту, проѣзжая по лугамъ Кермесынъ-сазы, я едва протискался сквозь безчисленные табуны лошадей, верблюдовъ и барановъ. Оказывается намъ Богъ послалъ какихъ-то таминцевъ. Разрѣшите мнѣ отправиться къ нимъ, для сбора зякета, сказалъ Али-бій Кара-хану.

Нѣтъ, не дѣлай этого, пусть они будутъ свободны отъ податей и повинностей въ настоящемъ году. Повѣрь мнѣ, мы отъ этого не потеряемъ ничего, а напротивъ покажемъ этимъ свою справедливость и прославимся въ сосѣднихъ земляхъ. Слава насъ сблизитъ съ инородцами и тогда прикочуютъ къ намъ не одни лишь таминцы. А честь и великодушіе наше будутъ сохранены.

На слѣдующій день Али-бій опять явился къ хану и вновь началъ доказывать, что взиманіе зякета необходимо, и ему удалось склонить хана.

— Хорошо, отправляйся для сбора зякета, но смотри, зякетъ не долженъ превышать одного процента, иначе будетъ противъ шаріата и совѣсти, произнесъ Кара-ханъ.

Тогда Али-бій съ сорока джигитами поѣхалъ въ аулъ Нарикбая. Послѣдній встрѣтилъ его, какъ бека, приказалъ поставить юрту, зарѣзалъ на угощеніе нѣсколько головъ скота и между прочимъ полюбостествовалъ, кого онъ имѣетъ честь принимать.

— Я зякетчи, посланный Кара-ханомъ. Зовутъ меня Али-біемъ, имя мое извѣстно всѣмъ и каждому въ этомъ ханствѣ.

Всмотрѣвшись въ лицо Али-бія, Нарикбай пришелъ въ ужасъ.

— О, Боже! какого ты злодѣя наслалъ въ мой аулъ. Вѣдь это нена-сытное чудовище, разбойникъ и лютый врагъ, которыхъ только и можно встрѣтить вооруженными съ ногъ до головы, подумалъ Нарикбай и съ трепетомъ началъ прислуживать самъ лично.

Несчастному Нарикбаю ничего не оставалось дѣлать, онъ отдался волѣ Всевышняго и въ теченіи трехъ дней платилъ зякетъ Али-бію. Этотъ кровопійца взымалъ съ сорока головъ скота по пяти штукъ. Также взыскалъ зякетъ съ серебра и золота. Въ итогѣ образовалось у Али-бія огромное количество скота, который онъ отправилъ съ своими двадцатью джигитами въ Акъ-калу, а самъ, не удовольствовавшись полученнымъ, съ остальными своими двадцатью джигитами, отправился въ табуны Нарикбая, чтобы выбрать тамъ для себя лучшаго верховаго коня. Обрыскавъ табуны, онъ наткнулся на одного чубараго коня. Красота его такъ поразила Али-бія, что онъ готовъ былъ отдать за него всѣхъ лошадей, верблюдовъ и барановъ, взятыхъ имъ въ зякетъ самымъ безсовѣстнымъ и хищническимъ образомъ.

— Ловите его скорѣе! вѣдь ничего съ нами не подѣлаютъ таминцы, крикнулъ Али-бій своимъ джигитамъ. Послѣдніе бросились за чубарымъ и одинъ изъ джигитовъ успѣлъ уже накинуть на него „крукъ“, но чубарый конь вырвался. Вновь начали сгонять табуны въ кучу, на этотъ разъ Али-бій самъ вооружился крукомъ и сталъ осторожно подходить къ чубарому. Какъ только онъ вознамѣрился накинуть на него петлю, чубарый, почувствовалъ холодную руку Али-бія брезгливо ударилъ его копытами съ такою силою, что Али-бій нѣсколько разъ перевернулся съ своею лошадью и лежалъ такъ нѣкоторое время безъ чувствъ.

— Да, стало быть, поступокъ мой былъ не одобренъ святыми душами, подумалъ Али-бій, очнувшись и поѣхалъ въ Акъ-галу.

Изъ полученнаго зякета онъ представилъ своему повелителю только одну десятую часть.

— Нѣтъ, Али-бій! этотъ скотъ, прежде чѣмъ ты его получилъ, былъ обмытъ слезами хозяина. Неужели ты думаешь, что я приму его съ улыбкою на устахъ? Пользуйся этимъ ты самъ, ибо разрозненный изъ родного табуна такимъ способомъ скотъ приноситъ взявшему его одно лишь раззореніе. У меня достаточно своего наслѣдственнаго богатства, которое я также не унесу съ собою въ тотъ міръ, сказалъ печально Кара-ханъ Али-бію.

Али-бій не удовлетворился этимъ, его ненасытная утроба жаждала большаго и, побуждаемый своею алчностью, онъ продолжалъ обирать тамницевъ. Чѣмъ больше онъ обиралъ ихъ, тѣмъ больше возрастало у него желаніе завладѣть чубарымъ конемъ. Ужъ онъ не разъ докладывалъ хану, чтобы тотъ потребовалъ коня. Наконецъ Али-бій рѣшилъ во что бы то ни стало склонить упорнаго хана на свою сторону.

— О, мой господинъ! вы слишкомъ еще молоды, поэтому и относитесь къ богатству съ пренебреженіемъ. Ну, отчего бы вамъ не имѣть чубараго коня, превосходящаго красотою лошадей, живущихъ во всей вселенной? Если вы стѣсняетесь отобрать его, то положитесь на меня. Ужъ повѣрьте „не возьму огня изъ юрты, чтобы развести его въ другой“¹⁾.

— Я вижу отецъ мой, Али, что ты не отстанешь отъ меня. Ужъ коли братъ, такъ братъ, но только слѣдуетъ обставить это дѣло такъ, чтобы оно не походило на насиліе. Я хочу сказать, что нужно прибѣгнуть къ какой-нибудь хитрости. Съ этою цѣлью мы должны обвинить тамницевъ въ чемънибудь. Ты объяви всѣмъ богачамъ, что я устраиваю той и что въ теченіе двухъ недѣль они должны наполнить по девяти „саба“ кумызомъ и пріѣхать ко мнѣ на пиршество. Необходимо это сдѣлать такъ, чтобы Нарикбай объ этомъ ничего не зналъ, пока мои богачи не приготовить кумызъ. Когда настанетъ ванушъ тоя, тогда лишь только можно будетъ предупредить Нарикбая. А что можетъ сдѣлать за ночь Нарикбай? Конечно, ничего. Это обстоятельство и послужитъ поводомъ къ отобранію у него коня, заключилъ ханъ.

Когда Али-бій извѣстилъ объ этомъ все населеніе, болѣе всего возторгался богачи, они заранѣе предвкушали наслажденіе, которое найдутъ на ханскомъ тоѣ.

По уходѣ Али-бія, Кара-ханъ потребовалъ къ себѣ лучшихъ представителей рода „Ногайлы“, что бы держать съ ними совѣтъ по предстоящему празднику. Нужно замѣтить, что Али-бій, пользуясь своею властью, уничтожилъ многихъ мудрыхъ людей этого рода. Такъ, что отъ этого рода осталось только громкое названіе „Нойгалы“, а людей мудрыхъ не было. Одинъ только мудрецъ уцѣлѣлъ, нѣкій Кара-тинъ. Онъ также былъ поработенъ Али-біемъ и существовалъ лишь доходами съ своей единственной мельницы.

— О, мой свѣтикъ Кара-ханъ! Если дѣла твои праведны, то всегда будетъ твоимъ сторонникомъ Всевышній, если еще не покинула тебя справедливость, надъ тобою будетъ парить „чистота“... Пригласи ты къ себѣ Нарикбая, посади его на лошадь, надѣнь на него халатъ и сдѣлай его своимъ полномочнымъ, сказалъ Каратинъ, пользуясь своимъ свиданіемъ съ повелителемъ.

Кара-ханъ въ точности выполнилъ совѣтъ Каратинна. Онъ потребовалъ къ себѣ Нарикбая, обласкалъ и облагодѣтельствовалъ его и пригласилъ на предстоящій той.

Выждавъ, когда у богачей наполнилось условленное число „саба“ кумызомъ, Али-бій предсталъ предъ Кара-ханомъ и просилъ его соизволенія послать къ Нарикбаю наукера¹⁾. Посланный былъ изъ новичковъ, онъ еще не привыкъ къ молодецкой ѣздѣ джигита, не удостоивался награды за службу, былъ чрезвычайно глупъ и промоталъ все скудное отцовское состояніе. Получивъ такое важное порученіе и надѣясь заработать отъ Нарикбая приличные подарки, наукеръ пришелъ въ такой восторгъ, что не помнилъ какъ ускакалъ исполнять приказаніе. Степная собака, завидѣвъ быстро несущагося наукера, бросилась на него, лошадь начала бить копытами, сбросила сѣдока и злополучный наукеръ сопровождаемый сворой собакъ, явился пѣшкомъ къ Нарикбаю.

— О, Нарикбай! предъ тобою стоитъ ханскій наукеръ, посланный пригласить тебя къ своему повелителю. Угости же меня полною чашею кумыза, да отправляйся завтра къ Кара-хану на той, съ наполненными девятью „саба“ кумызомъ.

— Да развѣ ханскіе наукеры бродятъ пѣшкомъ? Нѣтъ, голубчикъ, ты еще слишкомъ молодъ, чтобы надувать меня. Сообразилъ-ли ты свой поступокъ? Вѣдь этимъ ты оскорбляешь или хана, или моихъ тамницевъ. Какъ будто у Кара-хана клипомъ сошлась земля, что не отыскался лпхой

¹⁾ Ханскій слуга.

¹⁾ Пословица вродѣ нашей «соръ изъ избы не выносятся».

наукеръ на удаломъ конѣ. Ты или воръ или проходимецъ, сказалъ Нарикбай и сталъ бить палкою глупаго посланца. Затѣмъ, сжалившись надъ нимъ, пожаловалъ ему лошадь и халатъ и отпустилъ.

Сознавъ на горькомъ опытѣ свою глупость, злополучный наукеръ поѣхалъ обратно къ Али-бію. Теперь уже онъ не скакалъ, а ѣхалъ шагомъ и отъ прежней прыти у него не осталось ничего.

— У Нарикбая уже наполнено девять „саба“ кумызомъ и онъ завтра прибудетъ на той, доложилъ наукеръ Али-бію. Пораженъ былъ Али-бий такимъ сообщеніемъ и никакъ немогъ понять, какъ Нарикбай за однѣ лишь сутки успѣлъ заквасить девять „саба“ кумызу. Вѣсть эта неприятно поразила Али-бія, и онъ сталъ придумывать противъ несчастнаго Нарикбая каверзу.

Озабоченный предстоящимъ днемъ, Нарикбай провелъ всю ночь въ хлопотахъ и приготовленіяхъ. Къ разсвѣту у него было все готово. Огромные нары (драмодеры) были покрыты драгоцѣнными коврами, на нихъ помѣщались наполненные кумызомъ „саба“ и развѣшаны по девяти цѣнныхъ бобровыхъ шкуркохъ, а на одномъ изъ наровъ сидѣла рабыня. Величіе было царское, и вотъ Нарикбай торжественно тронулся въ путь.

Еще солнце не взошло, когда онъ подѣхалъ къ воротамъ урды Кара-хана. Они были заперты. Нарикбай помолился Богу и сталъ ожидать. Не видѣлъ онъ ни единой души, словно кругомъ все вымерло. Солнце стало подниматься довольно высоко, а ворота все заперты. Наконецъ, муллы стали призывать къ полуденному намазу, прошла обѣденная пора, а Нарикбай все ждетъ и ждетъ. Грусть и тоска забрала его и онъ былъ готовъ уже плакать, какъ вдругъ ворота растворились и предъ нимъ предстала чудовищная старуха подосланная Али-біемъ. Она вооружена была баканомъ¹⁾; завидя Нарикбай, старуха ударила его чубараго тулпара по головѣ.

— О, собака! тебя съ твоими сорока тамницами я оболую урпной, стащю тебя съ лошади, сдеру съ тебя халатъ; что ты подѣлаешь со мной?... Отчего ты не прибылъ утромъ, развѣ такъ чествуютъ Кара-хана? произнесла грозно старуха. При видѣ ея, Нарикбай пришелъ въ ужасъ: лицо старухи было черно, словно желѣзо, тѣло какъ уголь, щеки впалыя, погн толстыя, какъ бревна, а носомъ своимъ она папомпнала воропу.

— О, дорогой мой братъ Исмыъ, какъ вѣрно ты предсказалъ мою будущую судьбу, подумалъ Нарикбай, глядя на старуху и заплакалъ.

¹⁾ Деревянный шестъ, которымъ киргизы открываютъ и закрываютъ «тундыю», верхнюю часть юрты.

Ты, старуха, говоришь сущій вздоръ. Я здѣсь бьюсь съ раннаго утра и не видѣлъ ни единого человѣка, просто истомился.

— За какимъ лѣшимъ ты сюда пріѣхалъ, скажи мнѣ на милость? Вѣдь у тебя нѣтъ ни сына, ни дочери, которые бы унаслѣдовали твое богатство. Имѣя за собою такой порохъ, ты хоть бы постыдился собравшихся здѣсь гостей. Да и не мѣсто тебѣ здѣсь быть. Тотъ, кто не имѣетъ дочери, не смѣетъ тутъ рассчитывать на кумызъ, а кто не имѣетъ сына, тотъ не достоинъ перешагнуть порога урды.

Выслушавъ незаслуженные и обидные укоры старухи, Нарикбай пришелъ въ такое бѣшенство, что моментально винжаломъ распоролъ животъ негодной старухи, затѣмъ выпустилъ кишки своихъ наровъ, убилъ рабыню, изрѣзалъ наполненные кумызомъ „саба“ и дрожалъ отъ гнѣва всемъ тѣломъ. Жилы его налились кровью, самъ онъ былъ блѣденъ, какъ бѣлая ткань.

Оставаясь въ такомъ положеніи нѣсколько мгновеній, онъ очнулся, крѣпко потянулъ поводья своего чубараго скакуна, зарыдалъ дикимъ голосомъ и обливаясь слезами поѣхалъ домой. Приближаясь къ аулу, Нарикбай встрѣтилъ свою жену *Гуль-ханымъ*. Она замѣтила въ немъ страшную перемѣну и оставалась въ недоумѣніи. Нарикбай на столько былъ удрученъ горемъ, что не могъ вымолвить ни слова и сталъ рыдать.

— Лучше быть пастухомъ на родинѣ, чѣмъ бекомъ въ чужой землѣ. Могъ ли я ожидать такого незаслуженнаго оскорбленія, да еще отъ кого, —отъ какой то отвратительной ободранной старухи, сказалъ съ горечью Нарикбай, и все въ подробности рассказалъ Гуль-ханымъ.

— О, Боже мой милосердный! кто же во всемъ этомъ виноватъ, какъ не я? Что заставило насъ скитаться по бѣлому свѣту, какъ не наша бездѣтность? О, я готова отнынѣ позабыть весь міръ, я буду скитаться всюду по святымъ мѣстамъ и просить ихъ помощи, предъ Всемилостивымъ, о нпспосланіи намъ дѣтища, завопила Гуль-ханымъ.

Сочувствуя безысходному горю своихъ безгранично добрыхъ хозяевъ, сорокъ тамницевъ также принялись плакать.

— О, мой чубарый-тулпаръ! отнынѣ ты свободенъ, у меня нѣтъ наслѣдника, который бы могъ владѣть тобою и наслаждаться. Я съ сего момента обрекаю себя на страдальческую жизнь, буду искать покровительства блаженныхъ святыхъ и горячо молить моего Создателя о дѣтищѣ. Можетъ быть Онъ услышитъ мои страданія и не допуститъ, чтобы я погибъ, скитаясь по голоднымъ и безводнымъ пустынямъ, въ положеніи юродиваго, сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ Нарикбай, спимая уздечку съ чубараго тулпара.

Начались сборы в путь. Нарикбай завелъ себя галоши съ желѣзными подошвами, палку изъ Аса-мусы¹⁾, надѣлъ на себя „джанду“²⁾ и обулся въ „чаркь“³⁾. Онъ далъ обѣтъ принести въ жертву святымъ, изъ каждой породы скота, самцовъ.

Когда все было сдѣлано, Нарикбай позвалъ всѣхъ своихъ тамницевъ и сказалъ:

Прощайте, дорогіе мои тамницы! Если будетъ насъ хранить Всевышній, то встрѣтимся еще на этомъ свѣтѣ, а если умремъ, то будемъ просить Его, чтобы Онъ соединилъ насъ въ счастливой загробной жизни, тамъ, гдѣ нѣтъ горя, тамъ, гдѣ вѣчный миръ, благодать и наслаждение. Я доволенъ вами всѣмъ сердцемъ и нисколько не сожалею, что вы многіе годы пользовались моимъ хлѣбомъ и солью; прошу васъ, не поминайте насъ лихомъ. Ничто меня не радуетъ, ничто меня не забавляетъ. Вотъ мои огромные табуны, данные мнѣ щедротами Повелителя всей вселенной; надобности въ нихъ теперь я не имѣю, владѣйте ими въ добрый часъ, сказалъ захлебываясь отъ слезъ Нарикбай.

О, милосердные наши покровители, доброта ваша была къ намъ безпредѣльна, мы дышали и существовали лишь вами. Да будетъ вашимъ защитникомъ Всевышній, чтобы Онъ даровалъ вамъ то, чего вы такъ страдальчески добиваетесь. Богатство, данное вамъ Богомъ и такъ милостиво переданное намъ, мы сохранимъ до счастливаго съ вами свиданья, ибо оно все-таки ваше. Одно сокрушаетъ насъ, что мы остаемся словно сироты, среди лютаго, какъ змѣи, народа, кричали, рыдали, тамницы, въ слѣдъ Нарикбаю и Гуль-ханьсь.

Таково было разставаніе тамницевъ съ добрыми своими хозяевами. Протекло послѣ того шесть лѣтъ. Что же случилось съ несчастными Нарикбаемъ и Гуль-ханьсь?

Они безъ усталости бродили по святымъ мѣстамъ, приносили жертвы и раздавали золото и серебро страдающей братіи.

¹⁾ عصا موسى г. е. жезлъ Моисея. Большіе древесные кустарники, носящіе названіе «Аса-и-Муса», произрастаютъ у насъ въ Туркестанскомъ краѣ и особенно изобилуютъ имя Аулие-атинскій уѣздъ. Посѣщая вершины Александровскаго хребта въ названномъ уѣздѣ, мнѣ не разъ приходилось встрѣчать эти чудные кустарники и вывозить палки. Дерево это отличается необыкновенною твердостью и тяжестью—даже тонетъ въ водѣ.

²⁾ Халатъ, сшитый изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ, который принято носить у дравшей и календарей.

³⁾ Обувь, сшитая изъ кожи и снабженная завязками. Чаркь преимущественно носятъ горные таджики.

Не было такого святаго, котораго они обошли бы своимъ посѣщеніемъ, но ни одинъ изъ нихъ не явилъ имъ желаемаго чуда. Наконецъ, Нарикбай и Гуль-ханьсь выбились уже изъ силъ, истощились до не возможности и потеряли всякую надежду на помощь блаженныхъ святыхъ.

— О, Боже! мы сдѣлали все, что только доступно смертному. Принесли въ жертву святымъ огромное количество животныхъ, роздали во имя ихъ наше золото и серебро, покинули родину, лишились богатства, но все тщетно. Ты единственный нашъ покровитель и послѣдняя опора! Внемли же рыданіямъ нашимъ, возмолвились Нарикбай и Гуль-ханьсь, уже въ голодной солонцовою пустынь, имѣя при себѣ послѣдняго ягненка. Они уже окончательно сбились съ пути и не могли опредѣлить, въ какой части вселенной теперь пребывали. Гибель ихъ была очевидна. Раздѣлить ихъ удручающее горе было некому, спасенія никакого не оставалось, и несчастные стали уже было приготовляться къ смерти, какъ вдругъ предъ ними предсталъ старецъ, съ длинными сѣдыми волосами и такою же бородою; онъ гналъ маленькое стадо въ пять-шесть барановъ.

Восторгу Нарикбая и Гуль-ханьсь, при видѣ мастигаго старца, не было предѣловъ. „О, Всевышній нашъ создатель! милосердію Твоему по истинѣ нѣтъ предѣловъ. Какое Ты намъ доставилъ блаженство, пославъ намъ на встрѣчу этого старца. Какъ пріятно и сладко видѣть ликъ человѣческой послѣ шести лѣтъ скитанья!“ воскликнули несчастные и сдѣлали старику почтительный саламъ.

— О, дѣти мои! какъ васъ могла забросить сюда судьба? Здѣсь еще не было человеческой ноги, не ступало лошадиное копыто и сюда не долетала ни одна птица, сказалъ старикъ.

— Обладали мы несмѣтнымъ богатствомъ, но не имѣли дѣтей. Всевышнему не угодно было надѣлать насъ этимъ счастьемъ, и вотъ мы уже шесть лѣтъ какъ скитаемся по святымъ мѣстамъ и могиламъ. Истощили все свои жизненные продукты, лишились всего своего достоянія и не сподобились встрѣтить въ пустыняхъ пророка Хизра¹⁾. Должно быть послужили къ тому помѣхою грѣху наши, сказали со слезами Нарикбай съ Гуль-ханьсь.

— Переночевали-ли вы у святаго „Бабай-тукты-чачъ“? Могила его теперь почти сравнялась съ поверхностью земли, она находится противъ Кара-тау, гдѣ растетъ одинъ карагачъ, имѣется теплый родникъ и кустар-

¹⁾ Хизръ нашелъ источникъ жизненной воды и выпилъ изъ него, а потому и будетъ жить до окончанія вѣковъ; пророкъ Ілія помощникъ, спаситель (защитающій на водѣ). Да будетъ спутникомъ своимъ Хизръ. Ильясь, говорятъ обыкновенно киргизы путешественнику.

ники „акъ-чингель“. Такъ вотъ, идите къ нему, молитесь ему усердно, онъ вамъ пошлетъ младенца.

— О, благодѣтель нашъ! мы уже потеряли надежду на жизнь и собрались было кончить счеты съ нею, какъ Самъ Всевышній послалъ васъ къ намъ. Сжальтесь надъ нами, доставьте насъ къ Бабай-тукты-чачъ! возмолится Нарикбай съ женою.

— Вы недумайте, что я доставлю васъ туда и не отчаивайтесь, что я брошу васъ. У меня слишкомъ много обязанностей, возложенныхъ на меня Царемъ. Я не имѣю времени находиться на одномъ мѣстѣ, ибо долженъ поспѣвать вездѣ и встрѣчаться съ тѣми, съ кѣмъ нужно.

Бѣдные Нарикбай и Гуль-ханьсъ все еще не догадывались, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и продолжали свою просьбу.

— О, нашъ благочестивый отецъ! вы намъ ничего опредѣленнаго не сказали. Предъ вами только шесть овецъ. Если-бы мы гонялись за тлѣннымъ богатствомъ сего міра, то дали-бы вамъ 600 барановъ; но намъ нужно дитя. Будьте милостивы, доведите насъ до Кара-тау, укажите намъ этого святаго!

— Развѣ не достаточно съ васъ того, что я встрѣтился съ вами и указалъ вамъ путь? Что же касается 600 барановъ, которыхъ вы мнѣ сулите, я, конечно, ихъ непринялъ бы. Ибо въ моемъ распоряженіи неисчерпаемыя богатства Самого Всевышняго, и я положительно теряюсь, какъ ихъ распредѣлить между праведниками.

— Если мы отправимся теперь-же къ этому благодатному святому, то какъ долго продлится наше путешествіе?

— Все будетъ зависеть отъ васъ. Если дѣянія ваши окажутся предъ Всевышнимъ благочестивыми, то вы доберетесь въ сорокъ дней, а въ противномъ случаѣ проскитаетесь и сорокъ лѣтъ. Вамъ предстоитъ теперь перебраться черезъ Кара и Акъ-дарью. Затѣмъ, дорога приведетъ васъ къ Ходженту и Сыру. Здѣсь вы должны набрать куги, для того, чтобы связать себѣ плоть и переправиться черезъ эту рѣку. Далѣе, спустя десять дней, прибудете на мѣсто, если только сумѣете избрать правильный путь, сказалъ старецъ и, пожелавъ счастливой дороги, исчезъ мгновенно.

Нарикбая и Гуль-ханьсъ охватилъ такой восторгъ, что они сразу ожили и торопливо побѣжали, словно ихъ преслѣдовалъ по пятамъ непріятель. Нарикбай велъ барашка, въ которомъ теперь заключалось все достояніе супруговъ, а Гуль-ханьсъ погоняла сзади, вотъ наконецъ, они выбрались изъ знойной Каршинской солонцовой пустыни и прибыли въ Самаркандъ. Далѣе, они миновали Кара-дарью и Акъ-дарью, перевалили „Джиланъ-утты“, переночевали въ „Сай-бун“, а затѣмъ, послѣ длиннаго пути, наконецъ,

достигли береговъ Сыръ-Дарьи. Здѣсь они вновь связали плоть, переправились благополучно черезъ Дарью, на пути поклонились св. Занги-ата, прослѣдовали по западному берегу Салара, осмотрѣли арыкъ царя Калькауса, привѣтствовали могилу Хазретъ-имама, перешли со слезами Захъ-арыкъ, миновали Ясъ-кичу, слѣдуя по западной сторонѣ Казыкурта¹⁾, сотворили молитву св. Мухаммеду—дервишъ-ата и, наконецъ, стопы ихъ коснулись земли Чимбастау (нынѣ гор. Чимкентъ). Сарьямъ (Сайрамъ) они не почтили своимъ вниманіемъ, Туркестану издали вознесли молитвы, направились медленно къ Арысу, перешли рѣку эту, при слияніи ея съ Буралдаемъ и, оставивъ за собою Бугунь²⁾, вышли въ открытую степь.

Здѣсь Нарикбай и Гуль-ханьсъ, почувствовали, что силы имъ начинаютъ измѣняться. Первый переваль горъ Кара-тау они миновали съ большими затрудненіями и едва волокли свои ноги. Къ ужасу ихъ, предъ ними возвышался одинъ изъ высочайшихъ хребтовъ этихъ горъ. Потерявъ всякую надежду преодолѣть его, они упали въ изнеможеніи и принялись горько рыдать, проливая потоки слезъ. И вотъ, Всевышній Создатель явилъ имъ чудо свое: гора разверзлась на двѣ части, образовавъ узкое ущелье. Ущелье это существуетъ и по сіе время и служитъ кратчайшимъ путемъ современнымъ караваннымъ путникамъ. Несчастные страдальцы, признавъ въ этомъ безконечное милосердіе Бога и Его всемогущество, собрали послѣднія силы, перешли ущелье и достигли въ полномъ изнеможеніи Джилы-булакъ (теплый ключъ). Здѣсь красовался карагачъ, была едва замѣтна насыпь могилы „Бабай-тукты-чачъ“, окаймленная „акъ чангелемъ“.

— О, мой Нарикбай! мѣстечко это влило въ мою душу необъяснимую теплоту. Судя по примѣтамъ, указаннымъ намъ встрѣтившимся старцемъ, мѣстность эта вполнѣ подходитъ подъ его описанія. Ты обрати вниманіе: тутъ и карагачъ, и теплый ключъ, и могила древняго происхожденія; все это свидѣтельствуетъ какъ нельзя яснѣе, что мы не ошиблись и пришли именно по назначенію. Такъ переночуемъ же здѣсь, свѣтиль мой!

Нарикбай положительно вознегодовалъ, выслушавъ подобное желаніе Гуль-ханьсъ.

— Скитаясь столько времени по святымъ угодукамъ, съ упованіемъ вымолить у нихъ дитя, неужели ты допускала мысль, что предѣльнымъ

¹⁾ Отроги Алатавскаго хребта. Въ настоящее время у подошвы Казыкуртъ находится почтовая станція „Бекляръ-бекъ“. По слѣдствіямъ киргизовъ Чимкентскаго уѣзда, на Казыкуртъ остановился Ноевъ ковчегъ.

²⁾ Рѣчка, пересѣкающая нынѣ почтовую дорогу между Чимкентомъ и Туркестаномъ, черезъ которую перекинутъ желѣзныи мостъ.

момъ пунягомъ будетъ этотъ несчастный "акъ-чангелъ". О, ты, бездѣльное твореніе! ты хочешь совѣсть свести мѣни съ ума!

— Воля твоя, но в прѣдчувствую, что намъ необходимо переночевать здѣсь. Ты много принесъ въ жертву скота, а этого послѣднато явленна отдай въ мое распоряженіе, а его зарѣжь сама, переночую и переночу и тѣломъ моли въ это свято.

Нарикбай съ гнѣвомъ бросилъ ножъ жень, а самъ легъ и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Тулъ-ханъ немедленно зарѣзалъ ягненка, затеплила наутъ моголю святого огонь, предавъ ему всѣхъ герцумъ и горячо молила о ниспосланіи ей ребенка.

— О, мой блаженный праведникъ! если ты не дашь мнѣ дитя, то проси Всевышняго, чтобы Онъ приобрѣлъ мѣни и не показывалъ божье мукъ, произнесла утѣренна печалью Тулъ-ханъ и утомленная заснула.

Мужъ и жена спали словно мертвые, послѣдніе лучи заходящаго солнца уже сгинули съ неба и стало смеркаться, когда предсталъ у наголовья Тулъ-ханъ святой Бабай-тукты-чачъ съ своимъ сорока сподвижниками. Онъ пожалтъ ее разбудить и сгинула. Настала полночь, онъ вновь появился и опять ушелъ не потревоживъ ея Тулъ-ханъ. Наконецъ, стало свѣтать, ангелы скрылись въ небесахъ, мукъ уже признавали въ утѣренному намазу, когда вернулася въ супругамъ Бабай-тукты-чачъ. Они спали какъ уютые, настолько былъ крѣпокъ ихъ сонъ.

— О, дитя мое! вставай, ты проспала утѣреннй намазъ, спѣши сдѣлать омовеніе, сказала святой старецъ.

Открывъ глаза, Тулъ-ханъ сразу признала, что прѣдъ нею стоитъ святой праведникъ и безотчетно стала рыдтъ, приговаривая: О, Боже! уже шесть лѣтъ в страданіи, плачу и скитаюсь въ положеніи юродивой и молю у Тебя дѣтине; будъ-же ко мнѣ великодушнѣ! сказала Тулъ-ханъ, проливая слезы.

— О, неутѣшное дитя: ради твоихъ обильныхъ слезъ я трижды просилъ Всевышняго и Онъ былъ какъ и всегда милосердъ и даровалъ тебѣ одного сына. Этотъ дитя замѣнитъ тысячу сыновей, вознаградитъ тебѣ радостью, взаимнѣ прошедшихъ твоихъ тяжкихъ испытаній, отомститъ твоимъ врагамъ и жизнь твою потереть въ некончаемыхъ радостяхъ и счастья. Сынъ твой долженъ быть нареченъ именемъ Шура. И такъ, да благословитъ тебѣ великій Богъ! произнесъ старецъ и исчезъ.

Восторгъ Тулъ-ханъ былъ настолько великъ, что она плакала отъ избытка чувствъ и даровала всѣмъ тѣломъ. Послѣдніа слова святого все еще звучали въ ея ушахъ и приносили ея въ умиленіе.

Трудно было описать состояніе ея души и вотъ, наконецъ, она, не прѣдупреждая свашаго мужа, побѣжала. Буда и зачѣмъ помышлалъ Тулъ-ханъ, не объяснила-бы и сама, еслибъ ее спросили.

Когда проснулся Нарикбай, солнце уже было высоко, и онъ замѣтилъ тотчасъ же отсутствіе Тулъ-ханъ.

— О, Боже, Ты жестоко меня карашь: я просилъ у Тебя въ теченіе столѣтій дѣтъ дѣтине, а Ты у меня отнял и жену, воскликнулъ Нарикбай и поднялся на гору.

Этотъ временемъ Тулъ-ханъ успѣла уйти далеко и Нарикбай едва могъ разглядѣтъ ее издали.

— Тулъ-ханъ, Тулъ-ханъ! куда ты такъ стремительно бѣжишь? вернись и сообщи мнѣ, что съ тобою случилось, кричалъ ей въ слѣдъ мужъ. Но Тулъ-ханъ не слышала его зова и продолжала бѣжать. Нарикбай пустился за нею, долго гнался и, обливаясь потомъ, занемогая отъ усталости, наступилъ ея.

— О, дорогой мой Нарикбай! наконецъ-то настала дѣя насъ и свѣтлос днп. Всевышній сжалился надъ нами, опустилъ намъ грѣхи, явилъ великое чудо, даровалъ намъ сына по имени Шура. Все это мнѣ повѣдалъ седой на зарѣ святой старецъ, сказала Тулъ-ханъ, сивая отъ удивленія.

Онъ напряженнѣмъ вниманіемъ Нарикбай слушалъ повѣствованіе своей жень. Радость его была безпредѣльная, душа готова была оставить его тѣло. Пидѣлъ онъ съ такимъ наслажденіемъ на Тулъ-ханъ, что готовъ былъ цѣловать ей ноги.

— О, дорогая мов! поди сюда поближе, дай мнѣ расцѣловать и поцѣловать тебѣ, сказалъ онъ съ неподдѣльнымъ любовью. Неожиданное счастье, постѣ долгихъ превратностей, на столько подвигнувало на Нарикбай, что онъ зарыдалъ и упалъ въ истерическомъ припадкѣ, восхваляя величье и милосердіе Всевышняго Создателя.

Слѣдѣя вѣствѣ, Нарикбай и Тулъ-ханъ подошли къ огромному роднику, здѣсь учинили омовеніе и совершили подлудневный намазъ. Поднявъ стотъ своею красотю превосходятъ многие родники, созданные Богомъ. Намъ немыт плакала масса лебедей и гусей. Завидя ихъ, Нарикбай и Тулъ-ханъ почувствовали странный голодъ.

— О, Создатель! гдѣ ужъ намъ воспользоваться этими лебедями и гусями. У насъ нѣтъ ни рукъ, ни лопчей птицъ, думали другъи.

Въ это время на горизонтѣ показалась птица "Биджукъ" ("). Лебеди

) «Биджукъ»; если не ошибекася, пречеть.

всполошились, одинъ изъ нихъ поднялся, но былъ споборенъ стимъ хищни-
комъ и упалъ на землю, а затѣмъ и остальные лебеди поверглись той-же
части.

— Это первое признаки предзнаменованія дурного, ибо мнѣ удостои-
лись видѣть подобную птицу. Если будетъ угодно Всевержителю, то
и снѣгъ нашъ будетъ "Сахобъ-кыраномъ" (1) и на подобіе "бугаюка" уни-
чтожить твоихъ вратовъ атрактинцевъ и отомстить Аги-бию, сказала Гургь-
ханьса Нарикаю. Намъ нужно остаться на этомъ родникѣ на недѣлю,
чтобы вознести усердная молитва нашему Творцу, продолжала Гургь-ханьса,
да кстати, отдохнуть. Благо, милосердный Господь Самъ позаботился о
насъ; посмотрѣй, какая рыба у насъ лебеди.

Нарикаю согласился, Гургь-ханьса закармилъ нѣжное мясо лебедя, и
они въ первый разъ съ аппетитомъ пообедали. Такъ прошло нѣсколько
дней, и уже сгущили возстановили свои силы.

Нужно сказать, что Нарикаю и Гургь-ханьса, при всемъ желаніи
идти, въ теченіи шести дѣтъ не могли между собою сгущиться
снѣжнѣ. Теперь они были влюблены другъ въ друга; страсть захлѣбла въ
нихъ, какъ у 18-ти лѣтней дѣвушки и 25-лѣтняго молодца, и они по-
прѣшили насладиться супружескими объятіями. Вскорѣ послѣ этого Гургь-
ханьса почувствовала береквенность.

Отдавъ послѣдній привѣтъ счастливому роднику, Нарикаю съ женою
ушли въ путь. Послѣ долгаго путешествія, они прибыли въ своемъ
тамницѣ въ Агъ-кагу.

Трудно описать восторгъ и радость тамницевъ, при встрѣчѣ съ сво-
ими братьями.

Не взирая на хищническія поборы Аги-би, благополучіе тамницевъ
росло, ибо родникъ ихъ далеко превзошелъ прежній. Не даромъ говорить
пословица: "Ворона ивѣвшая приспаннше, не погибнетъ; агуль, неповер-
шица нападѣнію непріятеля, не раззорится"....

Теперь вы, конечно, полюбознательете узнать объ участи чубарого-
тушара. Съ тѣхъ поръ, какъ Нарикаю съ женою покинулъ тамницевъ,
чубарый исчезъ. Оказывается, онъ присталъ къ роднику дикихъ жулановъ,
паса съ ними и изрѣдка лишь навѣщать по привѣсть роду Нарикаю.

Такъ что Аги-би, при всемъ своемъ желаніи, не могъ поимать его.
Тамница, какъ мы уже сказали, были безпрѣдельно рады возвращенію
Нарикаю. Они плакали, просили другъ у друга "суюнчу" (вознаграженіе

1) Гургь, который удостоился получить только Тамриатъ. Сахобъ-кыранъ—значитъ рожден-
ный подъ свѣтлымъ свѣтомъ планетъ (Венера и Сатурн), счастливейшій герой вѣка.

за пріятную вѣсть) и, наконецъ, пригнали огромные табуны, чтобы пока-

затъ Нарикаю.
Во главѣ табуна въ этотъ день шелъ чубарый-тушаръ. Завидя его,
Гургь-ханьса заплакала, подошла къ нему и поцѣловала его въ лобъ. Вотъ
достоинный конь, на которомъ будетъ вѣзти "дорогой мой свѣтъ" (1),
сказала она съ восторгомъ радости. А тушаръ, какъ бы довольный встрѣ-
чею съ любимой хозяйкой, повернулся и граціозно поклонился къ табуну.
День этотъ закончился тѣмъ, что Нарикаю устроилъ своимъ тамни-

цамъ превосходный обѣдъ и послалъ шкуру милостиню.
Вскорѣ послѣ этого у Гургь-ханьса явился непреодолимое желаніе по-
бѣть ливинато мяса. Если знать охотничьяго гор. Агъ-кага; многие изъ
нихъ были на обѣдѣ, но никто не отважился убить лива.

У Нарикаю, въ числѣ тамницевъ, былъ одинъ молодецъ, который
пасъ барановъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе постоянно забавляться. Забавя его
заклочалась въ томъ, что онъ втѣмалъ въ землю палку и жѣткою рукою
попалать въ нее камешками. Оуказъ онъ особенно увлекся своею игрою
и не замѣтилъ, какъ его бараны зарылись въ густые камыши. Оказалось
на обѣдѣ, что тамъ жила лива. Завидя его, бараны зарылись естествен-
но въ головокъ и столпились въ въ тѣнью кучу. Пастухъ, замѣтивъ не-
решительность животныхъ, побѣждалъ къ нимъ и наткнулся на величественнаго
лыва. Глаза его горѣли огнемъ, а хвостъ онъ приподнялъ, словно шипеть, къ
верху. Несчастный пастухъ пришелъ въ ужасъ, не зная, куда дѣваться
и что предпринять. Одно обстоятельство выручило его: онъ слышалъ раньше
отъ стариковъ, что лива, по своему величію, красотѣ и силѣ, считается
нарекъ звѣрей. При встрѣчѣ съ нимъ, ему сгущается отъ почтительный
сказка (привѣстивіе), и что при такомъ обхожденіи онъ оставляетъ чужака
въ покоѣ. Такъ и поступилъ пастухъ. Онъ проназвалъ камыши и привѣстивалъ
лыва сдѣланными словами: О, мой величественный царь! в честь твою тебя
почтительнымъ саломомъ, и предстать предъ тобою съ гуртомъ барановъ;

не взирая, чѣмъ богаты тѣмъ и разъ. Царское величіе твое извѣстно всей
вселенной. Тромоной тобою твой потрясается земля. Попова твоя, мой царь,
по красотѣ, напоминаетъ огромный жѣлтый котелъ, друтъ твоя, словно
згорятый коверъ, зубы твои ивѣются блестя мѣдью яснато, талия твоя
напоминаетъ станъ гордой красавицы-дѣвицы, а уши—словно молодая рыба.
Храбростью ты провозводишь въ твореніи Всевышнато, а силою сдержан-
на своихъ противниковъ. Быстрою напоминаншъ ты обѣгато сокора, въ

(1) "Дорогой мой свѣтъ" дѣтся Гургь-ханьса называется, своего ребенка, находящегося въ
тѣнѣ ея.

Одинъ день ты проскакиваешь мѣсячный путь, а въ мѣсяцъ—путь тысячи

дней!"
Отъ похвалъ пастуха левъ пришелъ въ необычайный восторгъ, онъ

являя свою милость ему и, опьяненный ласкою пастуха, сдѣлалъ такой
О, мой левъ! ты пошелъ противъ Бога, прытая на луку, и Онъ
воздалъ тебѣ должное и потому ты долженъ умереть отъ моей руки,
казалъ пастухъ и любилъ лваа толстого палкою, а затѣмъ, вырвывая
доставленное количество мяса, принесъ къ Лулъ-ханьсу. Она была въ вос-
торгѣ отъ этого подарка: никакъ не ожидала любить мяса такого силъ-
нато збрва. Мясо было сварено и поцано Лулъ-ханьсу и она съ наслаж-
деніемъ поѣла его и удовлетворила прихоть беременной женщины.

Левъ мѣсяцевъ она носила ребенка во чревѣ и, наконецъ, послѣ
двятидневныхъ мученій, по волѣ Божьихъ, разрѣшилась отъ бремени
сыномъ.

Торжество было невыразимое: масло королевы разлилось огромными сло-
ми, сахаръ и леденцы на угощеніе отворачивались цѣлыми глыбами,
раздавалась масса золота и серебра, а колыхая для новорожденнаго была
заготовлена лучшими мастерами изъ чистаго золота. Въсѣ о рожденіи
Шуръ много объѣла все население.

На рогахъ присутствовала въ числѣ друлхъ черная рабыня. Какъ
только послышался первый звукъ плача новорожденнаго, она пустилась
объять, дабы первой получить отъ Нарикбай "суюнчу" за сообщеніе ра-
достной вѣсти. Вѣдъ за нею побѣжала грубая женщина, по имени Джак-
галтай и перенала ее. Увидя себя обогнанной, рабыня пришла въ бѣшен-
ство: сбросила съ себя платье, затѣмъ штаны, распустила волосы и, раз-
накивая нагайкой, помчалась, какъ молнія.
О, нелюбое твореніе! ты хочешь вымазать мнѣ лицо сажою, ты
добиваешься лишить меня хорошей суюнчи, дѣвля рабыня, обогнавъ Джак-
галтай.

Пристыженная Джакгалтай невольно остановилась и стала посылать
всѣмъ рабынь такую ругань, какую здѣсь нельзя выразить.
Представь, въ чемъ мать родила, предъ Нарикбаемъ, рабыня по-
здравляла его съ сыномъ и попросила суюнчу.

— Проси, что хочешь, будешь исполнено, сказалъ Нарикбай.
Т. е., если Джакгалтай пробьется раньше, то рабыня притворится къ нему и не
пунктъ.

— Я была бы совершенно удовлетворена, если бы ты освободила ме-

ня отъ рабства, далъ бы мнѣ нѣсколько говора доплатого съята и выдать
въ замужество за Джакго парня, который бы мнѣ удовлетворять мою
ненаасытную страсть, отвѣтила рабыня.

Нарикбай исполнилъ просьбу рабыни въ точности, онъ даже шедро
надѣлалъ суюнчей и Джакгалтай, которая пришла къ нему уже послѣ.
Той, устроенный, по случаю рожденія Шуръ, былъ великолѣпный,
презубовали его пригласить друзей и провозжали сорогъ дней.
Въ тотъ моментъ, когда младенца клали въ утробѣнную люльку,
появился старецъ. Ребенокъ этотъ долженъ быть нареченъ именемъ Шуръ,
сказалъ онъ и исчезъ.

"Пока вырастетъ трава, откочуетъ аулъ, пока мужъ наживетъ со-
стояніе, онъ лишится разума!" говаривали тамничъ.
Также и Нарикбай, неограниченно любившій своего Шуръ, посто-
янно убояживавшій его въ люлькѣ, заскакавшій безъ усталости на своей спинѣ,
думалъ: "О, мой дорогой Шуръ, когда-то ты вырастешь и будешь мужъ-
чиной... Докучь-ли я этихъ счастливыхъ дней?"

Подумавъ свѣдѣніе о рожденіи Шуръ, Али-оинъ задумалъ всѣмъ
тѣмъ, лишится аппетита, сталъ относиться къ обязанностямъ своимъ
лѣниво и тщательнѣе скрывать свое смущеніе отъ постороннихъ.
Шуръ развивался невѣроятно быстро. Идти отъ роду всего лишь
сорогъ дней, онъ уже смѣялся и отличалъ родителей отъ постороннихъ.
Одного года онъ поразилъ всѣхъ красотой, дѣлалъ лѣтъ выросъ до не-
узнаваемости, трехъ лѣтъ былъ поумнѣлъ какъ птица, четырехъ лѣтъ
узнавалъ мать, пяти лѣтъ достигъ высшего образованія, десяти
лѣтъ проявилъ гордость и отважную смѣлость, одиннадцати лѣтъ сталъ
настойчивымъ красавцемъ мужичиною, обаялн гибкимъ станомъ и высокимъ
ростомъ и, наконецъ, двѣнадцати лѣтъ, онъ сталъ сказочнымъ богатыремъ,
съ атлетическою грудою, плечами и мышцами.

Прохожіе поражались величіемъ и красотой его, а на вратовъ онъ
наводилъ ужасъ, словно царственный левъ на людей и звѣрей.
Шуръ, побуждаемый своею невѣрною силою и энергіею, не нахо-
дилъ себѣ мѣста, ему было и слышно, и грустно, и весело, онъ не зналъ,
за что всталъ и куда прислониться.

— Добрый мой отецъ! какъ ты мнѣ коня, чтобы я могъ скакать за
львомъ, чтобы я могъ разбить аираклинцевъ и раздуть все, что только
повернется подъ руку! сказалъ умоляющимъ голосомъ Шуръ.
— Дорогой мой сынъ! я не могу исполнить твоей просьбы. Я не

имѣю того многочисленнаго количества таминцевъ, которые могли-бы защитить насъ. У меня также нѣтъ исполинскаго коня, напоминающаго огромную черную скалу и годнаго для тебя.

— Когда тебя Богъ обдѣлил дѣтьми, такъ ты рѣшился даже покинуть Казань и терпѣть здѣсь иго злѣйшаго Али-бія... Для чего ты жертвовалъ собою? Для того, чтобы вымолить у Всевышняго дѣтей. Наконецъ, ты достигъ своего и что же изъ этого вышло?... О, отецъ! какъ ты скупъ и какъ не добръ ко мнѣ, сказалъ Шурá и недовольный вышелъ изъ юрты.

— Помнишь ли ты, какъ мы скитались по безводнымъ пустынямъ, безропотно перенося голодъ и жажду? когда со спинъ нашихъ струилась алая кровь, отъ царапинъ колючаго чингыла? Что заставило насъ тогда нести такое страданіе?—Конечно, наша бездѣтность. Теперь благодареніе Богу, мы имѣемъ сына, стоящаго намъ почти жизни, а ты отказываешь ему въ верховомъ конѣ! О, безжалостный!... Для чего-жъ созданъ Всевышнимъ нашъ чубарый-тулпаръ съ серебряннымъ хвостомъ?... Неужели ты приберегаешь его для того, чтобы зарѣзать на свои поминки, когда умрешь?

— „Женщина безъ ума, какъ лягушка безъ хвоста“—говорить пословица... Также и у тебя: волосъ длинный, а умъ короткій. Мнѣ вовсе не жаль лошади для Шурá, я готовъ за него пожертвовать жизнью, что и доказалъ уже на дѣлѣ. Но дѣло вотъ въ чемъ: стоитъ только сѣсть Шурá на лошадь, онъ устроитъ такую потѣху айрактинцамъ, что послѣ и не разберешься. А ты помни, что несмѣтные мои таминцы остались въ Казанѣ, а здѣшнихъ сорока юртовладѣльцевъ айрактинцамъ не хватитъ и облизнуться. А что станетъ съ нами, если они загубятъ нашего Шурá?

— Дай ты ему волю, пусть онъ тѣшитъ. Намъ нужно положиться на Всевышняго. Если уже ему суждено умереть, онъ умретъ и не выходя изъ юрты. А вѣдь святые праведники намъ предсказали, что онъ отомститъ нашимъ врагамъ и останется самъ невредимъ. Такъ вотъ, чѣмъ скорѣе онъ накажетъ, тѣмъ будетъ пріятнѣе для насъ.

Недовольный настояніями жены, Нарикбай разрѣшилъ сыну выбрать изъ табуна любую лошадь, а таминцевъ строго предупредилъ не показывать ему табуновъ, отстраняться отъ Шурá и, если онъ будетъ просить повести его къ табунамъ, то отговариваться всячески неимѣніемъ времени. Шурá, замѣтивъ, что никто ему не желаетъ сопутствовать, взялъ крукъ, надѣлъ на голову свою куничью шапку, заткулъ за поясъ фалды и отправился одинъ отыскивать свои табуны. Послѣ долгихъ блужданій, онъ вышелъ въ степь, встрѣтилъ тамъ тысячу мальчиковъ-айрактинцевъ, затѣмъ, небольшую куч-

ку мальчиковъ, въ сто человѣкъ, ногайлинцевъ и, наконецъ, наткнулся на крошечную группу мальчиковъ въ сорокъ человѣкъ. Это были ребятишки таминцевъ.

— Отчего васъ такъ мало, не лучше ли играть въ большой компаніи? Вы напоминаете своею малочисленностью заблудившуюся лошадь. Можете ли вы бояться, когда имѣете такого бека, какъ я. Говорите, кто васъ обдѣлъ и кому отомстить? сказалъ Шурá сорока ребятишкамъ.

— Лучше-бы намъ не отвѣчать, а вамъ не спрашивать... Вотъ эти тысяча мальчиковъ—айрактинцы надъ ними главенствуетъ сынъ Али-бія, Занминнетъ, а остальные сто мальчиковъ, изъ рода ногайлы, противники Занминнета. Мы не можемъ соединиться съ айрактинцами, потому что они насъ постоянно обижаютъ, отнимаютъ у насъ бабки и мало того, еще бьютъ. Мы не можемъ располагать собою, своею скотиною и даже свареннымъ обѣдомъ. О, нашъ бекъ! теперь только начинаемъ мы оживать, возлагая на васъ всѣ наши надежды. Думаемъ, что отнынѣ мы будемъ избавлены отъ нагаекъ айрактинцевъ и отъ поборовъ Али-бія.

Жалобы мальчиковъ сильно возмутили Шурá, сердце его закипѣло и онъ воспыпалъ мстью.

— „Пѣшкомъ на войну не ходять, а непріятель не ждетъ, пока ты сядешь на лошадь“... говоритъ пословица. Вы, ребята идите къ айрактинцамъ, примите участіе въ ихъ игрѣ, а я пойду, да сяду на чубараго коня. Когда они станутъ васъ задирать, вы не спускайте имъ, а начните драку. Это мнѣ послужитъ поводомъ проучить айрактинцевъ, я расправлюсь съ ними такъ же, какъ птица бьдаюкъ съ лебедами и гусли, сказалъ взбѣшенный Шурá и, направившись къ берегу огромнаго озера, гдѣ сходятся табуны на водопой, усѣлся.

Не долго пришлось ему сидѣть здѣсь. Онъ вскорѣ замѣтилъ вдаль густое облако красной пыли, которая быстро неслась къ нему, подгоняемая легкимъ вѣтромъ. А вслѣдъ за этимъ выдѣлился изъ пыли и красавецъ чубарый тулпаръ. Бѣжалъ онъ одинъ, граціозно и игриво размахивалъ своимъ серебрястымъ хвостомъ. Примчавшись къ берегу чуднаго озера, онъ сталъ съ жадностью глотать воду. Шурá моментально вскочилъ и хотѣлъ на него накинуть крукъ, но чубарый быстро повернулся задомъ, чтобы ударить копытами. Замѣтивъ недружелюбное движеніе животнаго, Шурá ударилъ его крукомъ по спинѣ. Почувствовавъ сильную руку, конь сталъ, какъ вкопанный. Накинувъ ловкою рукою на него петлю и взнуздавъ, Шурá очутился на чубаромъ.

Онъ поскакалъ словно вихрь и первые моменты едва, едва удержал-

ся на лошади. Мчался Шурá съ такой быстротою, что куропатки, сидѣвшія на пути, не успѣвали взмахнуть крыльями и оставались раздавленными подъ копытами. Полетъ чубараго былъ настолько силенъ, что вѣтромъ разсѣченного воздуха волновалось поверхность озера и земля, отлетавшая глыбами отъ копытъ, словно изъ ружья поражала птицъ, сидѣвшихъ на озерѣ.

Шурá былъ на седьмомъ небѣ; слезы восторга катились изъ его очей. И вотъ, направилъ онъ своего чубараго прямо къ мальчикамъ-айрактинцамъ.

Завидя его, таминцы бросились въ драку съ тысячею айрактинцевъ. Таминцевъ такъ было мало, что приходилось на каждого по сорокъ человекъ. Драка закипѣла отчаянная, несчастныхъ таминцевъ рвали, какъ козловъ на „кокбуре“. Въ этотъ моментъ Шурá врѣзался въ свалку.

— О, злодѣи! страна ваша, должно быть, создана для того, чтобъ истязать и мучить малочисленныхъ и безсильныхъ людей. Отнынѣ, помните, что надъ горстью таминцевъ засверкало солнце, у нихъ появился сынъ, по имени Шурá, который сокрушитъ съ ничтожными силами безчисленное множество вашихъ айрактинцевъ и заставитъ помнить себя долгіе годы, крикнулъ Шурá, обращаясь къ Замминнету и ударилъ его по головѣ крукомъ, съ такою силою, что голова разлетѣлась въ дребезги. Айрактинцы пришли въ ужасъ и смятеніе, а дѣти таминцевъ отдѣлились въ сторону. Онъ нисколько не струсилъ своей малочисленности, схватилъ мертваго Замминнета и бросилъ на растерзаніе сорока мальчикамъ таминцамъ. Злоба ребятишекъ была на настолько велика, что они изгрызли Замминнета въ клочья и не осталось у него на тѣлѣ ни одного цѣлаго мѣста. Самъ Шурá пришелъ въ дикое бѣшенство, онъ разметалъ айрактинцевъ во все стороны, не оставивъ въ живыхъ ни одного изъ нихъ. Словомъ, они напоминали теперь собою тучу воробьевъ, подвергнувшихся безошадному истребленію копчика. Одному только длинноногому „тазу“¹⁾ Джанбаю удалось бѣжать. Онъ бѣжалъ скоро и плавно словно фазанъ въ камышахъ, потряхивая рыжими длинными волосами, сохранившимися только у оконечностей затылка. Потомъ бѣгъ его обратился въ тропоту верблюда аравійской пустыни и онъ безъ оглядки, не чувствуя подъ собою ногу, примчался къ Кара-хану, съ мѣшкомъ бабокъ за спиной.

— О, повелитель нашъ! Лебедь мой (Замминнетъ) похищенъ хищ-

¹⁾ «Тазъ», значитъ пѣшивый (отъ парши). Киргизы не любятъ такихъ пѣшивыхъ людей и на ихъ счетъ выдумали обидныя поговорки. наприм. когда вихрь приступаетъ къ ихъ юртѣ, приговариваютъ *كيت ملغون طازدينك او ينه بار* Прочь проклятый! ступай въ юрту пѣшиваго.

нымъ соколомъ... Всевышній, разгнѣванный на насъ, обратилъ весну въ зиму. Не впопадъ мы пошутили съ удавомъ (Шурой) и захлебнулись въ струяхъ крошечнаго родника¹⁾. Теперь одинъ мальчикъ изъ таминцевъ не уступитъ тысячѣ айрактинцевъ, благодаря могуществу и силѣ величественнаго льва Шуры, сына Нарикбая. Онъ сокрушилъ съ одного размаха тысячу мальчиковъ айрактинцевъ; въ томъ числѣ погибъ и славный Замминнетъ. Мы походили тогда на огромное стадо барановъ, настигнутыхъ волкомъ и остались, какъ воробьи, въ когтяхъ голоднаго копчика. Мы словно были поражены молниеносной стрѣлой и очутились въ бѣдѣ, подобно несчастному хлѣбонашцу, у котораго весь хлѣбъ истребленъ саранчей и который, сокрушенный, сидѣлъ, обнавъ свой деревянный омачъ. Насъ точно побилъ небесный смерчъ или ударилъ сильнымъ плескомъ водяной сомя. Мы пришли въ отчаяніе и ужасающимъ своимъ крикомъ напомнили воронъ и галокъ, завидѣвшихъ лютаго своего врага „бидаюка“. Затѣмъ случилось что то невѣроятное: въ тѣсотѣ тысячи мальчиковъ какъ-бы разорвалось пушечное ядро. Это былъ послѣдній жестокий ударъ Шуры; онъ подмелъ мальчиковъ, словно метлою, и уже не оставалось ни одной живой души; все пали мертвыми... Таково было наше печальное положеніе. О, ханъ мой! потребуй къ себѣ Шурá, онъ достоинъ, чтобы снять съ него голову! заключилъ паршивый Джанбай.

— О, ты негодная тварь! когда все твои товарищи погибли въ бою, отчего ты одинъ остался живымъ и, какъ ворона—вѣщунья, явился ко мнѣ!... Врешь ты, мерзавецъ, этого быть не можетъ! закричалъ съ гнѣвомъ Кара-ханъ на Джанбая.

Хотя Кара-ханъ и разгнѣвался на Джанбая, но въ душѣ былъ весьма доволенъ, что дѣти айрактинцевъ погибли, въ томъ числѣ и Замминнетъ. На это были у Кара-хана причины, о чемъ мы скажемъ ниже.

Какъ угорѣлый, выскочилъ Джанбай отъ Кара-хана пустился безъ оглядки къ Али-бію. Прибѣжавъ къ нему запыхавшись, онъ въ подробности началъ рассказывать о погромѣ Шуры.

— Будетъ тебѣ распространяться въ мелочахъ! закричалъ, сгорая петербургскимъ, поблѣднѣвшій Али-бій. Ты скажи, кака я участь постигла мое единственное дѣтище Замминнета?

— Онъ былъ убитъ первымъ, а за нимъ остальные тысяча мальчиковъ, сообщилъ Джанбай.

Услышавъ эти роковыя слова, Али-бій упалъ безъ чувствъ.

¹⁾ Намекъ на малочисленность таминцевъ.

— О, мой дорогой Замминнет! нѣтъ у меня тебѣ боге, воскликнулъ онъ, приходя въ себя.

Вѣсть о гибели тысячи мальчиковъ абракитинцевъ, быстро облетѣла окрестности Акъ-кага; матери убитыхъ дѣтей плакали и выли на разныя голоса. Али-бѣи еще болѣе былъ взбѣшенъ этимъ зрѣлищемъ. Онъ приказалъ подать себѣ бѣлаго коня, одѣлся въ лучшій костюмъ, вооружился острой шашкой и въ сопровожденіи своихъ сороса Джигитовъ побѣжалъ къ Кара-хану.

На пути всюду останавливали его плачущія женщины и онъ едва могъ добраться до Кара-хана. Нѣкоторые тамничъ, бывшіе въ это время въ Акъ-кага, поспѣшили скорѣе вернуться во-свои. Дома они застали страшную суматоху. Бабы плакали, въ ожиданіи нападенія абракитинцевъ, а мужчины готовились къ оборонѣ.

— Я давно просилъ тебѣ, мой ханъ, расправиться съ горстью тамничевъ. Ты не внималъ моимъ совѣтамъ. Что-жъ теперь изъ этого выйдетъ? На старости лѣтъ, когда уже побѣдѣла борода и тѣло приближилось къ смерти, лишился единственнаго сына и, сдѣловательно, не могу оставить по себѣ наследника. Утѣхой для меня можетъ теперь послужить только жестокая мечь тамничамъ, что я и долженъ сдѣлать сейчасъ же. — Не горячтись и не сдѣшите, этимъ вы можете только испортить дѣло. Прежде, чѣмъ бѣжать къ тамничамъ, нужно предвзвѣзительно прослѣдить, гдѣ въ данное время находится Шуръ. Иначе вы удаите ему возможность скрыться. По моему мнѣнію, сдѣлать послать къ тамничамъ, въ качествѣ шпіона, Кара-тина. Шуръ онъ находится за Шурой и даетъ вамъ о немъ уже сообщенію въ должныя тридцать лѣтъ. Али-бѣи вполне согласился съ мнѣніемъ Кара-хана и нѣсколько успокоился.

Предъ отъѣздомъ Кара-тина, ханъ секретно сообщилъ ему, что онъ перешелъ Шуръ, о готовящемся на него нападеніи Али-бѣи, съ сороса его джигитами, и что Кара-ханъ посылаетъ ему, Шуръ, привѣтъ, съ пожеланіемъ успѣха въ борьбѣ и искренно хочетъ, чтобы Шуръ снискъ съ Али-бѣи голову и прислалъ-бы ему въ подарокъ.

Посланный Кара-тинъ быстро поспѣвалъ къ тамничамъ. Онъ какъ сдѣлалъ, такъ и не сдѣлалъ съ лошадю, и скоро былъ уже въ аулѣ Нарикъ-багъ.

Тамъ происходило сдѣлующее: тамничъ суетился, все были вооружены баканами, башмаки и т. д. Бабы рыдали, опасаясь быть разданы ленивыми копьями непригодныхъ лошадей. Шуръ снискъ уже на чуба-

ромъ тулпаръ, головной выхажъ къ абракитинцамъ и вновь нанести имъ ударъ, а Нарикбай и Туль-ханкъ, опасаясь за жизнь его, держали чубарато за поводья и со слезами умоляли Шуръ не дѣлать этого.

Кара-тинъ, по прибитіи въ аулѣ Нарикбай, почтительно поздоровался съ Шурой, передалъ ему поклонъ Кара-хана, предупредилъ, что вслѣдъ за нимъ бѣдетъ Али-бѣи, съ своими сороса Джигитами, чтобы отомстить за сына своего Замминнета, а также сообщилъ Шуръ порученіе Кара-хана, если представится случай, снискъ голову Али-бѣи и прислать ему, хану.

— Почтеннѣйшій Кара-тинъ! Я глубоко тронутъ вниманіемъ Кара-хана. Передайте ему, что я отнынѣ его покорный рабъ. Порученіе его, относительно головы Али-бѣи, будетъ исполнено мною въ точности. Если своимъ сороса тысячами абракитинцамъ, то и тогда ему не вернуться живому въ Акъ-кага, сказалъ Шуръ.

— Теперь, мой Шуръ, я долженъ дать тебѣ одно наставленіе: посправдливости, ты долженъ Али-бѣю заставить кинуть за убитаго его сына. И если ты сдѣлаешь это, Бевышній поможетъ тебѣ въ борьбѣ съ Али-бѣемъ, ибо Богъ правду любитъ. Ты прикажи навьючить соросъ къ чировъ (муловъ) драгоцѣнностями, поможи въ мѣшочекъ тысячу тиллъ, заверни въ капъ кусокъ золота въ лошадиную голову, и отправь все это къ боготамъ и прикажи тамъ выкупать. Въ этомъ мѣстѣ долженъ пробыть Али-бѣи, и если онъ не обратитъ вниманія на выставляемую тобою боготства и пробѣдетъ съ презрѣніемъ мимо, то ты можешь дратъ съ нимъ со спокойною совѣстью; тогда самъ Богъ будетъ твоимъ сторонникомъ.

Шуръ вполне одобрялъ совѣтъ Кара-тина. Онъ велѣлъ навьючить соросъ качировъ дорогими вещами и золотомъ и приказалъ развѣзывать все это по дѣрзкую сторону боготъ, гдѣ долженъ пробѣжать Али-бѣи. А самъ, вернувшись обратно домой, сталъ выжидать появленія противника.

Черезъ нѣкоторое время на горизонтѣ показалось густое облако пыли. Не было сомнѣній, что это бѣжалъ Али-бѣи. Женя и дочери тамничевъ, замѣтивъ это, подняли плачь, шумъ и крикъ и приняты на распырь, что онъ будетъ растоптаны копытами лошадей збѣишата Али-бѣи.

Вы не плачьте и не говорите! Какъ бы велика ни была сила джаркитинцевъ, а не допущу ихъ сюда. Они, во всякомъ случаѣ, останутся на той сторонѣ боготъ, сказалъ раздѣженный плачемъ бѣгъ Шуръ и побѣжалъ ствѣсннй горичкии молтваки Нарикбай, Туль-ханкъ и всѣхъ тамничевъ.

— О, нашъ Водержитель! подъ конецъ нашей жизни, Ты даровалъ намъ это единственное Утѣ; на утѣшеніе и на радость нашу. Такъ сохрани же его намъ! продохжанъ кричать Шуръ вслѣдъ Нарикбай и Лил-ханскъ.

Нѣмого спуста, на горизонтѣ показалось густое облако пыли, которое, по жрѣбъ приближенія всадниковъ, неслось все ближе къ золотамъ. Впередъ выдвигалась фигура всадника, державшаго въ рукахъ знамя. Наконецъ, всадникъ этотъ съ своими спутниками, спустился внизъ къ золотамъ въ это время прѣхалъ къ нимъ на встѣчу и Шуръ.

Теперь тамъ находились въ саомъ критическомъ положеніи: они не знали, что именно въ этотъ моментъ происходить между противниками. Оказывалось, еще Али-бей не встрѣтился съ Шурой. Взоръ Али-бей, подвѣсившаго къ золотамъ, были обращены на арагоурьность, вышпанныя по распоряженію Шуръ.

— Вы, замѣчаете, молуцъ, какой хитрый Нарикбай? Онъ задумалъ подкупить меня богатствомъ и избавитъли такія путемъ отъ моей мести. Но нѣтъ, этого не будетъ. Пока я не уличу въ убійствѣ сына моего, не истребую всѣхъ тамничевъ, не обмокну свои руки въ кровь людей ала Нарикбая и не докажу, что я Али-бей, я не воспользуюсь этимъ богатствомъ, Мнѣ собственно не нужно ничего, мнѣ нужно только чубарый конь, а арагоурьности эти вы можете затоптать копытами вашихъ лошадей, или же забрать себѣ на обратномъ пути, сказалъ самоувѣренно Али-бей своимъ сопкамъ Укитамъ.

И такъ, не воспользовавшись серебромъ и золотомъ, онъ сталъ перекрестить черезъ болото. Вдаль изъ-за камышей отъ солнечнаго луча засверкало чье-то копы и претъ Али-бей преталъ Шуръ. Али-бей и его сорокъ Укитовъ, при видѣ всадника, просто остолбенѣли и не рѣшились перевести духъ.

Али-бей бросало въ дрожь отъ страха, и онъ сердечно казалъ, что не всталъ съ собою всѣхъ своихъ айрактинцевъ, а выхлалъ только съ сопкамъ Укитамъ. Не мѣняе саомо Али-бей растерялся и перепугался его глазами. Мгновеніе было торжественное.

Али-бей еще никогдѣ въ жизни не испытывалъ такого страха, какъ въ этотъ моментъ. При всемъ желаніи вернуться обратно, онъ не рѣшился на это и, угрожае възмъ тѣломъ, похлалъ на встѣчу Шуръ.

— Мое почтеніе, претавительный бей! Какъ вы расфранченны и какия васъ сопровождаютъ свита! Куда это вы изволите путь деркаты?

— Ты не тамничъ-ли, приковывавшій въ Кермесентъ-саатъ? Ужъ не снѣтъ ли Нарикбай, Шуръ. Поди сюда, поближе ко мнѣ, сказалъ гордо Али-бей. Другъ твой, Караханъ, посылаетъ тебѣ привѣтъ и приказалъ прислать ему чубарого коня.

— Прошу не называть меня сыномъ тамничевъ, а величать сыномъ Бога, посланнаго для истребленія сорокъ тысячъ айрактинцевъ. Неужели ты думаешь, что претъ тобою стонтъ ребенокъ, который такъ легко поддается твоему глумленію обману? Какъ ты смѣешь думать, что я, по твоему требованію, отдамъ чубарого? На нѣмъ, крокъ меня, нелюсточно бѣзидтъ ни одно существо! Я распорядился вымстить на твоёмъ пути разникъ арагоурьностей, навьюченныхъ на сорокъ карирахъ, выставилъ тамъ же въ мѣшкѣ тысячу тилей, кусокъ золота въ лошадиную голову, доронихъ чубарковъ и т. д., въ уплату тебѣ къна за тысячу убитыхъ мною мальчиговъ, но ты не обратилъ на это вниманія и лукаво напиралъ на меня, подъ предлогомъ поздороваться со мною, а въ мысляхъ имѣешь совѣмъ недоброе. Ну что ты со мною можешь сдѣлать? посмотрю-ка я!

— Ахъ ты, ничужный тамничъ! ты, я вижу, ворюшь изъ себя какого-то льва? Подожди, дружокъ, а сейчасъ съ тобою расправлюсь. Ты мнѣ отдамъ чубарого коня добровольно, а если нѣтъ, то я заставлю тебѣ сдѣлать это противъ твоей воли. Ты у меня сейчасъ будешь волючаться на лошадиномъ хвостѣ!

— Не хвастайся такъ гордо, Али! Могуее дерево, о которое ты такъ упренно опираешься, уже сружено. Помни, что сегодня, наконецъ, насталъ праздникъ для вороговъ, грачей и друтихъ хшникъ птицъ. Вѣдь они будутъ лакомиться твоимъ мясомъ. Понимаешь-ли ты теперь меня, Али! Возмущенный угрозами Шуръ, Али пришелъ въ такой гнѣвъ, что схватился за свою шашку, дабы нанести противнику ударъ, но Шуръ съ такой силой ударилъ Али копечекъ, что пронзилъ его насквозь и приподнял на конѣ вверхъ, какъ какию нибудь шпеню. Конѣ не выдержало

тяжести, переломилось пополамъ, и Али грузно упалъ на землю, обхвативъ руками копье, точно обнявъ кого-либо.

Сразивъ такимъ образомъ Али-биа, Шурá бросился на его джигитовъ. Онъ поражалъ ихъ съ изумительною быстротою. Кого-бы ни коснулась когучая рука Шурá, тотъ оставался мертвымъ, а если ударъ приходился вскользь, то получившій его, если не умиралъ тотчасъ же, то медлилъ на самое короткое время.

Истребивъ до единого всѣхъ джигитовъ, Шурá замѣтилъ стремительно удиравшаго паршиваго Джанбал. Оказывается, онъ былъ въ этомъ дѣлѣ знаменосцемъ: замѣтивъ критическое положеніе Али-биа и его джигитовъ, онъ предпочелъ бросить знамя и обратиться въ бѣгство, твердо памятуя, что „отъ позора человекъ не умираетъ, а жизнь сладка“.

Джанбай, конечно, не могъ убѣжать далеко; Шурá на своемъ чубаромъ быстро настигъ его и схвативъ, на-лету, метнулъ кверху какъ какой-нибудь „тумакъ“). Злосчастный паршивецъ упалъ въ воду, и Шурá, намѣреваясь убить его, хотѣлъ слѣзть съ лошади, но запутался о свою шапку а тѣмъ временемъ Джанбай перебѣжалъ на другой берегъ и продолжалъ бѣжать. Взбѣшенный Шурá вновь сѣлъ на лошадь и помчался за Джанбаемъ. Достигая его, онъ сдѣлалъ львиный прыжекъ, схватилъ тщедушнаго паршивца, ударилъ его о землю, и бѣглець тутъ же испустилъ духъ.

Сокрушивъ всѣхъ, Шурá опять вернулся къ мѣсту побойща. Али-бій все еще сидѣлъ, обнявъ пикъ, продолжая что-то бормотать.

— Здравствуй, богатырь мой, Али! Что это, ты, кажется, борешься съ пикой, или-же, какъ паршивая лошадь, не знаешь къ чему прислониться, чтобы почесаться?

— О, свѣтикъ мой, Шурá! я слышалъ, что ты обладаешь невѣроятной силой, и вотъ я захотѣлъ въ шутку помѣряться съ тобой силами. А вышло совсѣмъ плохо. Не даромъ въ старину придумали пословицу: „Отъ шутокъ льва умерла лисица“. Я и теперь еще могъ бы оправиться отъ раны, если-бъ ты Шурá, оставилъ меня въ покоѣ. „Больной надѣется выздороветь, бѣдный надѣется разбогатѣть“, гласитъ поговорка. Можетъ быть, ты и помилуешь меня?

— Да, Али, оказывается, вы хотѣли пошутить со мною, а я, дурень, принялъ шутку вашу въ серьезъ. Но, чтожь дѣлать, кто не ошибается? сказалъ съ усмѣшкой Шурá. Вы давно имѣли желаніе завладѣть чубарымъ (конемъ), такъ можете теперь получить его. Но и вы, въ свою

1) Теплая конусообразная шапка, носимая преимущественно кочевниками.

очередь, должны мнѣ сдѣлать одолженіе. Мнѣ сейчасъ понадобились ваши легкія, печень и желчь; такъ вотъ я и требую отъ васъ этого, сказалъ Шурá, продолжая подсмѣиваться.

Али сразу сообразилъ, какъ опасно его положеніе, сильно струсилъ, но тѣмъ не менѣе не выказалъ своего смущенія и съ поддѣльною улыбкою продолжалъ.

— Дорогой мой Шурá! я готовъ отдать за тебя дочь свою Акъ-слу, безчисленныхъ моихъ наровъ, все свое достояніе, но дай ты мнѣ жизнь!...

Шурá въ этотъ моментъ былъ жестокъ и неумолимъ: самымъ хладнокровнымъ образомъ онъ отрѣзалъ Алию уши и носъ и заставилъ его тутъ же съѣсть ихъ, а затѣмъ снялъ съ него голову, привязалъ къ торокамъ и поѣхалъ домой, погоняя предъ собою сорокъ двѣ лошади, принадлежавшихъ злополучному Али-бию и его жалкимъ джигитамъ.

Не успѣлъ еще скрыться Шурá, какъ начали слетаться черными стаями на останки Али и его джигитовъ вороны, грачи и друг. хищныя птицы и съ жадностью стали рвать ихъ тѣла.

Айрактинцы, большими партіями: кто на верблюдѣ, кто на лошади, кто пѣшкомъ, слѣдовали въ ауль таминцевъ, въ надеждѣ на крупную добычу, но когда они предстали предъ грудой труповъ своихъ айрактинцевъ и признали между ними Али-биа, они пришли въ ужасъ и опасаясь той же участи, повернули обратно и бѣжали вплоть до самого Акъ-кала.

Слѣдуя назадъ въ свой ауль, съ большимъ гуртомъ лошадей, Шурá поднялъ густую¹⁾ пыль, а несчастные таминцы, увѣренные въ гибели Шурá, приняли его за Али-биа, всполошились, кричали, плавали и прощались другъ съ другомъ, въ ожиданіи своей неминуемой гибели.

Спустя нѣсколько времени, пыль улеглась и предъ глазами таминцевъ показался Шурá. Они не ошиблись: это былъ дѣйствительно онъ. Восторгу таминцевъ не было конца, когда они узнали, что Шурá вернулся побѣдителемъ и, въ особенности, когда замѣтили на торокахъ сѣдла Шурá голову жестокаго Али-биа, окованное золотомъ сѣдло и его бѣлаго коня, въ числѣ пригнанныхъ джигитскихъ.

Таминцы не замѣшкали прибѣгнуть къ злобной мести. Они отвязали голову и каждый изъ нихъ счелъ своею обязанностью пнуть ее ногою.

— О, эти губы и зубы! Не разъ они пожирали наше мясо, казы²⁾;

1) Бывально «толстую» пыль.

2) Калбаса изъ лошаднаго мяса.

или кумать и молоко!—приговаривали злобно тамники, тыча ногами по

— Не мало мы натерпелись отъ тебя обидъ и насилій и не мало
прошли сгезъ, отъ твоихъ жестокоостей. Теперь ты подучишь Уолжское и
лежашь подъ нашими ногами съ потускнѣвшими глазами.

“Насиліе приводить къ позору”, говоритъ пословица. Что можетъ
быть позорнѣе того, какъ каждаго съ нечаянною пощипать твою голову,
да еще отраванную отъ тубишиа!... Стало быть, Бевышникъ увидѣть ка-
ли сгезъ и жестоко покарать тебя, такъ что ты очутился въ горюкахъ
сбѣга нашего любезнаго сына Шуръ, промовали Нарикай и Гуль-ха-

нать, гавда на катавшуюся по земль, какъ арбузъ, голову Али-бигъ.
Сбѣвъ на сбѣгало коня Али и раздѣвъ въхъ пригнанннхъ Шурой
лошадѣй своимъ тамникамъ, Нарикай побѣхалъ съ ними на мѣсто побон-

на Шуръ, съ тѣмъ чтоонъ оборать оружіе съ убитыхъ Уагитовъ, а
потомъ воротился назадъ.
Подъязыкая къ трупамъ, они увидѣли огромное количество крупннхъ
хишннхъ птицъ, и сорокъ, и волковъ, и лиснцъ. Въ они были точно
лоси, приглашенныя на большой “той”, уничтожали трупы съ небывалою

жаданостью.
Забравъ все оружіе аирактннцевъ, Нарикай вернулся съ людьми въ
аулъ, а затѣмъ Шуръ, отъ имени въхъ тамннцевъ, въ знакъ благодар-

ности къ милостивоку расположенію Кара-хана, послалъ ему въ подарокъ
голову Али-бигъ.
Подучивъ голову ненавистнаго Али, Кара-ханъ приказалъ тотчасъ-
же свезти съ нея шкуру, вынуть мозги и набить черепъ соломой.

Отецъ моего, Темиръ-хана, ты отравилъ самка жестокимъ обра-
зомъ. Такъ вотъ, наконецъ, и я заставилъ набить твою голову соломой,
воскресилъ Кара-ханъ, принимая готовый черепъ.

Кара-ханъ безпрѣлжно былъ доволенъ Шурой, послалъ ему дорого-
цѣнныя подарки и сердечный привѣтъ. Аирактннцы собрали большую дру-
жину, три дня подрайтъ являлся къ Кара-хану, но уходили, не пови-

давъ его, а сами по себѣ не рѣшались идти противъ Шуръ.
О, свѣтись нашъ, Шуръ! ты жестоко отомстилъ аирактннцамъ
и этимъ приобрѣлъ себѣ заклятыхъ враговъ. Теперь оставался тебѣ зѣбъ
нелзя; ты постоянно будешь подвергаться случайной опасности. Сорокъ
юртовлазѣльцевъ, твоихъ тамннцевъ, не могутъ быть тебѣ защитниками.
Что значить для тебя подмога такой горючки? Въдъ мы, по своей мало-
численности, черное литышко пасущагося ягакель какого-нибудь бычка!

Кому неизвѣстно что царь зѣрѣй слыветъ лѣвъ, который, скры-

пань въ непроходимыхъ камышахъ, не подвергая опасности собственной
жизни, не выпускаетъ слыва, заблудить всякимъ живымъ существомъ, ос-
парванному лѣву. Въдъ мы, собравшеса зѣбъ, просимъ тебя сгорѣ отъ-
бѣхатъ въ Казань. Тамъ тебѣ жѣдетъ безчисленное множество тамннцевъ, во-
станъ съ твоимъ лѣвѣ Исмаиль-бѣкъ. Отправлеса гуда, посовѣтуяса съ
нимъ, собери сильную дружину и возвращаеса къ намъ, чтоонъ сокрушить

въхъ аирактннцевъ, еказалъ въ оинъ голову тамннцъ.
— Ноги мои замѣняютъ мнѣ близкнхъ людей, руки—войско, а
бистроту чубарый конь. Далъ-онъ Богъ здоровья моей блестящей пирѣ,
стрѣлкамъ и молкъ мощнымъ мускуламъ, а объ оставшемъ я не сокруша-

юсь. Дуль мой испредитъ не мало народу, ружье мое разсѣветъ не одну
тысячу людей, а лѣвное сердце, дарованное мнѣ Бевышникомъ, привѣдетъ
въ трепетъ аирактннцевъ. Вотъ вамъ моя нога, и прошу васъ не опасать-

са этого жалкаго народа!
— Неопѣнннй мой сынъ! Дорогою цѣною досталса ты мнѣ. По-
слухай же Уорато совѣта твоихъ преданнхъ тамннцевъ: повязай въ
Казань и возвращаеса къ намъ съ несмѣтною силою! Иначе что будѣтъ

съ нами, если ты останешеса зѣбъ и мы лишима тебѣ!... Дѣвъ мы найдѣмъ
тогда такого лѣва, дѣвъ мы найдѣмъ такую собаку, какъ ты, о которую до
сего времени опиралися!... Наша участь тогда будетъ—части скотъ аирак-

тннцевъ и сгужить имъ истопннками, еказалъ въ сгезахъ Нарикай.
— Я впонѣ согласна съ Уорыми тамннцами и съ твоимъ отцемъ.
Ты должень это сдѣлать, во имя всего святаго, иначе я выдою свое бѣлое
молото, обративъ ступи къ тебѣ), возвраща, находяшаса гудъ все время
Гуль-ханьса.

И вотъ, внимая рѣчкамъ отца и матери, онъ распростила, сбѣвъ по-
неволѣ на коня и побѣхалъ.
— О, Боже! что-то теперь подѣлываютъ мои несчастныя родители и
тамннцы, сродн лютыхъ враговъ аирактннцевъ? О, Создатель! зачѣмъ Ты
обрѣкъ мою голову на такую тяжкую жизнь? Зачѣмъ Ты огнимаешъ у
родителей птенца, который вывелса въ ихъ гнѣдѣ, оунъ-оунншенекъ?

) Способъ прокннть безпутныхъ и непослушнхъ сыновей. Матеря пробѣгаютъ къ этому
средству въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Прокнннне это, какъ увѣряютъ туземцы, настолько сильно,
что повергшеса такому прокннн сннъ не можетъ разсѣпывать на прокннне Бевышннго. По той
причннѣ, что сынъ, подл друдаго могона матери, который она искормила его, должень повиноватся
ей просѣбъ. Говорятъ, что очень часто пробѣгаютъ къ этому женшны Бухары.

Такъ печально размышлялъ Шурá, поднимаясь одинъ на снѣжныя кручи Тасъ-булака. Весело, бодро и съ поднятою кверху головою поднялся чубарый конь на послѣдній переваль и величественно всталъ тамъ, какъ вкопанный.

Айрактинцы, получивъ свѣдѣніе о поѣздкѣ Шурá въ Казань, заблаговременно рѣшили устроить на переваль Тасъ-булакъ засаду, чтобы убить Шурá. Для этой цѣли они послали туда брата Али-бá, Тасъ-мергена. Онъ былъ замѣчательный охотникъ и успѣвалъ дѣлать на-лету въ птицу по шести выстрѣловъ.

Тасъ-мергенъ, увидѣвъ Шурá, взялъ ружье къ прицѣлу и уже собрался надавить фитиль. Провидѣніе спасло Шурá. Онъ во время замѣтилъ враждебное движеніе охотника и въ одинъ мигъ очутился съ чубарымъ конемъ, лицомъ къ лицу съ непріателемъ. У Тасъ-мергена дрогнула рука, при видѣ богатыря Шурá и онъ не успѣлъ сдѣлать желаемого выстрѣла.

Шурá моментально схватилъ его за воротъ и, взявъ къ себѣ на сѣдло, поскакалъ далѣе. Онъ подбрасывалъ жалкаго охотника вверхъ, точно какую-нибудь тубетейку, а крикъ Тасъ-мергена напоминалъ бляеніе козленка, съ которымъ скачетъ лихой наѣздникъ. Потомъ Шурá прижалъ Тасъ-мергена къ сѣдлу, такъ крѣпко, что у несчастнаго пошла кровь изъ горла и носа, а затѣмъ, проскакавъ нѣсколько круговъ, Шурá бросилъ его на землю. Тасъ-мергенъ упалъ безъ чувствъ, узкія чамбары его были изодраны въ клочья и сѣхали къ самымъ икрамъ. Придя въ сознаніе, онъ попытался было бѣжать, но путался въ своихъ чамбарахъ, какъ въ лошадиныхъ путахъ, падалъ почти на каждомъ шагу.

— Стой, безбожникъ, не шевелись! закричалъ на него громовымъ голосомъ Шурá.

Тасъ-мергенъ задрожалъ отъ грознаго приказанія своего властелина и остался неподвиженъ.

Шурá подошелъ къ нему, отрѣзалъ его носъ и уши и вручилъ ихъ ему.

— Передай отъ меня поклонъ Кара-хану и твоимъ айрактинцамъ. Скажи, чтобы они не обижали моихъ стариковъ и не трогали скотъ, твердо памятуя, что за ихъ плечами стоитъ всеильный левъ. Иначе они поплатятся жестоко. Пусть не забудутъ мудрыя слова мыслящихъ людей! „наступить удаву на хвостъ—попасть на удочку смерти, ходить въ потемкахъ не осторожно—вывихнуть себѣ ногу“.

Такъ вотъ, помни мое порученіе и въ подробности передай своимъ, сказалъ грозно Шурá, оставляя на переваль дрожащаго Тасъ-мергена, безъ

ушей, безъ носа. Злополучный Тасъ-мергенъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, сердце его билось, какъ рыба, вытщенная изъ воды. И вотъ онъ побрелъ домой, преслѣдуемый воронами да мухами, зачуявшими запахъ крови, и явился къ Кара-хану.

Ханъ имѣлъ еще ранѣе свѣдѣніе, что Тасъ-мергенъ отправленъ въ засаду, но тѣмъ не менѣе былъ удивленъ, когда предъ нимъ предсталъ изуродованный и окровавленный Тасъ-мергенъ.

— О, мой повелитель! меня постигла великая бѣда, я лишился ушей и носа и сталъ теперь посмѣшищемъ людей. Позоръ, который я испыталъ, перейдетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, будутъ рассказывать обо мнѣ въ сказкахъ и пѣть въ пѣсняхъ. Зачѣмъ я отправился на Тасъ-булакъ? Неужели для того, чтобы обжечься, схвативъ, по неосторожности, изъ потухшаго костра тлѣвшее полѣно? О, Боже, какъ Ты покаралъ меня. Какъ будто-бъ я не могъ умереть, не лишившись своихъ членовъ. Ужъ подлинно, кого Ты проклянешь, тотъ самъ полѣзетъ на бѣду!...

Такъ рассказывался въ своемъ поступкѣ мстительный Тасъ-мергенъ и закончилъ свое повѣствованіе, передавъ хану поклонъ Шурá. Кара-ханъ былъ въ душѣ весьма доволенъ, что Тасъ-мергенъ поплатился такъ жестоко.

— Никто не долженъ и не можетъ встать поперекъ дороги Шурá, никто не останется безнаказаннымъ, если осмѣлится нанести ущербъ таминцамъ. Такъ и передай своимъ айрактинцамъ, сказалъ Кара-ханъ.

Вѣсть объ участи, постигшей Тасъ-мергена быстро дошла до всѣхъ айрактинцевъ, и съ этого дня они трепетали даже при произнесеніи имени Шурá.

Между тѣмъ Шурá неутомимо продолжалъ свой путь. Но тоска по родителямъ и таминцамъ, оставшимся въ Акъ-кала на произволъ судьбы, и одиночество его, какъ мусафира, въ невѣдомой пустынѣ, повліяли на его душу; онъ неволью заплакалъ.

— О, Боже! одиночество подобаетъ лишь Тебѣ одному; человекъ же не можетъ существовать безъ подобнаго себѣ существа... Бѣду я одинъ, по необъятной Твоей пустынѣ. О, милосердный, если-бъ я не былъ одинъ у отца и матери, очутился-ли бы въ такомъ положеніи?... Одного человека не распластаетъ на двѣ части, онъ всегда останется одинъ. Пока сижу я въ юртѣ—есть въ ней живая душа, отлучись я изъ нея—тамъ пусто. О, Справедливый изъ справедливейшихъ! еще разъ умоляю тебя, дай ты мнѣ увидѣть Казань и сохрани подъ Своею сѣнью моихъ родителей! молилъ Шурá, оставляя за собой предѣлы владѣній Акъ-кала. Не мало дней провелъ Шурá въ дорогѣ, но невѣдомымъ ему мѣсталъ, пока не

увидеть едва замтное очертаніе одной горы. Онъ вѣхалъ до ея подошвы цѣлый день и дохалъ лишь вечеромъ. Завѣръ Шуръ нашелъ одну дошину, не видя на мучительный голодъ, свѣтъ съ сѣла полушину, положилъ подъ голову и задремалъ. Въ это время на водоопъ набѣжала масса уликъ козъ; вслѣдъ за тѣмъ Шуръ утѣмлялъ явственный голодъ: „одну изъ козъ в отаю Шуръ; остальныхъ онъ не доженъ прогнать“.

Голодъ этотъ принадлежалъ святому Гайо-ирану, котораго Шуръ привѣтвовалъ сазомомъ; старецъ исчезъ. Его обѣщаніе тотчасъ сбылось. Одна изъ уликъ козъ, потерпѣвшая въ этотъ день зрѣніе, налетѣла на чубаро, который ударомъ копья, пожегилъ ее на мѣртъ, а Шуръ тутъ же прирѣзалъ и готовилъ себя жареное. Напѣтившись такимъ образомъ, онъ горячо благодарилъ Бога за милость и, восклавъ Его молущею,

“Если ты, Шуръ, окончишь свою трагедію, то спѣши удалиться отъ родника подалше, иначе рискуешь остаться подъ копытами кузавовъ, которые несутся на водоопъ”—послышался Шуръ чей-то громкій голодъ. Онъ много соскочилъ и едва успѣлъ отбѣжать въ сторону, кузавъ уже неслся въ безчисленномъ множествѣ прямо къ роднику.

Всю ночь, Шуръ былъ свидѣтелемъ всевозможныхъ явленій. Какихъ только збрѣй не перебывало на водоопъ! Прибѣгали большими партиями лисцы, нѣтъ на свѣту приходили волки, ослѣпая воздвухъ своимъ недрітливѣемъ и т. д. Наконецъ, разсвѣло; на водоопъ явился лѣвъ. Одинъ изъ нихъ заплѣвъ чубаро козя, бросился на него, но былъ пораженъ мѣткою сръбою Шуръ.

Къ подошву солнца около родника не оставалось ни одного збрѣй; была погнана лишняя. Утомленный отъ безсонной ночи, благодаръ нашествію всякихъ збрѣй, Шуръ расположился около воды и заснулъ прѣвнимъ сномъ, не пошевельнувъ ни оуника мускуломъ. Стоявшій около него конь замѣтилъ огромнаго уава. Онъ позаръ, сверкая, какъ извѣстныи армякъ; оба глаза его горѣли огнемъ; страшно шипя, онъ подползалъ къ коню и сталъ его влѣгивать въ себя. Бѣдный чубаръ, приблизившись къ Шуръ, сталъ отчаянно бить перелетными копытами, но хозяинъ, не придумавъ головы, ударилъ его нагайкою; конь присмѣрѣлъ. Уава приподозрѣ совѣкъ близко, сталъ на хвостъ и съ особеннымъ усиліемъ началъ влѣгивать въ себя беззащитнаго коня, вызывая своимъ дважеліемъ сильный вѣтеръ и пылъ. Чубаръ свое опасное положеніе, чубаръ подомелъ къ водѣ, проназительно заржалъ и усиленно сталъ брыкаться въ Шуръ заулкими ногами. Шуръ вздрогнулъ, почувствовалъ на себѣ брызги холодной воды и моментально

вскочилъ. Уава сталъ притягивать его къ себѣ; Шуръ зачачался, но не пастерялся. Онъ схватилъ свой лукъ, яръко натянулъ и пустилъ стрѣлу въ своего противника. Стрѣла угодила уава въ голову и вышла изъ хвоста. Тѣмъ не менѣе чубаръ вновь бросился на свою жертву, но на этотъ разъ уже не съ такою силою. Вторая пушечная стрѣла тоже пронзила уава насквозь и вышла изъ хвоста; онъ присмѣрѣлъ. Шуръ отрѣзалъ ему голову кинжаломъ, а затѣмъ невольнo доуженъ былъ покинуть родникъ “Чара-юкъ” и вѣхать далѣе. Горячо благодарилъ онъ Всевышняго за спасеніе своей души.

Продолжая свой трудный путь, онъ въѣхалъ въ сосновый лѣсъ, Уол-го въ немъ огукалъ и не могъ никакъ вырваться: лѣсу повидимому не было предѣловъ. Настали, наконецъ, сумерки; Шуръ клонилъ ко сну, онъ подлагая утомленію и заснулъ въ непроходимомъ лѣсу: вѣдь онъ еще былъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ полночь лѣсъ и чубарый конь.

Вскоръ на нихъ набрели три лѣвннхъ дикаря, густо обросшихъ волосами. Они были безъ оружія: оружіемъ у нихъ была сила рукъ. Двое бросились на кошачь, а одинъ изъ сильнѣйшихъ на Шуръ. Чубарый вскопчилъ на ноги, а дикари яръко вѣпнили ему въ гриву и волочили, опасная крѣпи по лѣсу.

Шуръ, въ тотъ моментъ, когда на него бросился дикарь, утѣмлялъ невѣдомый голодъ сватомъ, предупредившій отъ опасности. Почувствовалъ на себѣ тяжесть лѣвнаго чубаръ, онъ вскопчилъ безъ большаго усилія, взявъ дикаря за ноги и, замакнувъ въскочило разъ наутъ своею головою, ударилъ его съ такою силою о землю, что у врага не осталось ни одной цѣлой кости. Затѣмъ, бросился вырывать своего уродого чубаро. Шуръ совершенно хладнокровно схватилъ обоихъ дикарей за затылки и билъ ихъ обами руками о другъку до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что они болѣе не въ силахъ бѣгуть принеся въ роду чубаръекому.

О, Боже! оазнавается, въ Твоей водѣ опасностей много! Надо полагать, что часть мой еще не пробить... Тѣмъчу разъ благодарю Тебя, мой Создатель! О, мой незабвенный спутникъ чубаръ, не унывай! Ты единственный представитель животнаго міра, а я—рода чубаръекаго!... Мы завсичли отъ безпредѣльной воли Его. Онъ намъ даровалъ жизнь, Онъ и можетъ отнять ее у насъ въ этой необъятной пустынѣ... Ты разлученъ съ лабукомъ, а въ родникѣ гнѣдомъ! О, Боже мой! обоуди и успокой моихъ несчастныхъ роулетей, сердца которыхъ стали какъ кусочки жавленого мяса отъ жестокой печали по мнѣ!—могилъ со слезами на глазахъ Шуръ.

Такъ продолжалъ свой длинный путь неутомимый наѣздникъ. Онъ много проѣхалъ полей, и дремучихъ лѣсовъ, и озеръ, и дорогъ; чего только онъ не испыталъ! Подчасъ бывалъ веселъ, подъ часъ угрюмъ и печаленъ.

Твердая рѣшимость и несокрушимая воля всегда приводятъ къ цѣли. Теперь Шурá уже вступилъ въ предѣлы земель Казана. Здѣсь встрѣтилъ одного старика, высохшаго, какъ пережаты-поле, Шурá сдѣлалъ ему почтительный салямъ.

— О, сѣдой отецъ! поди сюда, здороваемся, сказалъ, сіяя Шурá. Я уже давно не встрѣчалъ человѣческаго лица. Тебя какъ-бы самъ Богъ послалъ мнѣ въ подарокъ! Старикъ, взглянувъ на незнакомца, былъ пораженъ величіемъ и красотою его.

— О, Создатель! мнѣ уже семьдесятъ лѣтъ, но никогда я не встрѣчалъ такого юношу; изъ какихъ земель онъ могъ-бы быть? Вѣдь это просто счастливый герой вѣка! думалъ старикъ.

— Ты, я вижу, судя по канкану, который несешь на своихъ плечахъ, звѣроловъ. Гдѣ-жъ твоя добыча? И гдѣ твое мѣсто жительства?

— Въ старину у насъ старшіе задавали вопросы, а младшіе обыкновенно отвѣчали. Ты, мой красавецъ, заговаривая первымъ, нарушаешь этотъ добрый обычай. Ну, да Богъ съ тобою, я прощаю тебѣ эту оплошность. Ты слишкомъ подкупилъ меня своею красотою и богатырскимъ видомъ. Если ужъ ты хочешь знать кто я, такъ изволь, удовлетворю твое желаніе. Зовутъ меня Тубылгы-шалъ, родомъ я таминецъ, изъ Казана, занимаюсь звѣроловствомъ, при помощи канкана. Шурá чрезвычайно обрадовался, когда узналъ, что Тубылгы-шалъ таминецъ, бросился обнимать его и гладить по головѣ.

— О, юноша мой! скажи, какого ты сада цвѣтокъ, гдѣ ты родился, куда путь держишь и чей ты сынъ?

— Зналъ ли ты Нарикбая, который съ своими сорока юртами, покинулъ Казань, откочевалъ въ Акъ-кала?

— Какъ не знать? мало-ли я ему перетаскалъ лисьихъ, карсачьихъ, волчьихъ и шакальихъ шкуръ? И за каждую шкуру онъ мнѣ жаловалъ по лошади. А покинулъ онъ родину, ради того, что не имѣлъ дѣтей. До насъ дошли потомъ слухи, что онъ шесть лѣтъ скитался по святымъ мѣстамъ и, наконецъ, вымолилъ себѣ сына, котораго нарекли именемъ Шурá.

— Ты, старецъ, доставилъ мнѣ большую радость, сообщивъ свое имя и происхожденіе. Теперь я въ свою очередь скажу тебѣ о своей лич-

ности. Слухи, которые дошли до насъ, ничуть не преувеличены. Передъ тобою въ данный моментъ стоитъ Шурá, сынъ Нарикбая, истребившій тысячу айрактинцевъ, убившій Али-бія и изуродовавшій его брата Тасъ-мергена. Натворивъ въ Акъ-кала столько бѣдъ, я не могъ оставаться тамъ съ сорока таминцами, среди огромнаго количества айрактинцевъ. Я по этому рѣшилъ отправиться на родину отца, въ Казань, собрать тамъ многочисленныхъ таминцевъ и вернуться съ сильною дружиною въ Акъ-кала, чтобы положить конецъ владычеству айрактинцевъ.

— О, мой красный соколъ! такъ я предъ собою вижу свѣтлыя очи Нарикбая!? воскликнулъ Тубулгы-шалъ, со слезами обнимая костлявыми руками Шурá. Да, дорогой Шурá, ты не встрѣтишь теперь у насъ тѣхъ несмѣтныхъ табуновъ, которыми обладали таминцы, при твоёмъ отцѣ. Раззорили насъ калмыки, угнали все. Теперь Исымъ-біи предлагаетъ всѣмъ таминцамъ, сѣсть на коней и отбить у калмыковъ наши табуны... Ты, вѣроятно, слышалъ, что у твоего отца—два брата, Кариббай и Исымъ-біи?

— А здравствуютъ ли мои дяди Исымъ-біи и Кариббай и далеко ли отсюда до ихъ аула?

— Всѣ они здоровы, а до аула отсюда день ѣзды.

Распресивъ о дорогѣ, Шурá простился съ старикомъ и быстро поскакалъ по указанному направленію. Чубарый летѣлъ, какъ куланъ, поднимая вѣтеръ быстрымъ бѣгомъ, а пыль отъ копытъ взвивалась къ небу столбомъ, какъ отъ вихря. Такъ прискакалъ взмыленный конь на высокую возвышенность, противъ аула Кариббай, сдѣлавъ разстояніе дневной ѣзды, въ такое короткое время, въ какое можно лишь успѣть сварить мясо.

Въ это время Кариббай, сидя на лошади, сгонялъ въ кучу своихъ верблюдовъ. Когда онъ увидѣлъ Шурá, пришелъ въ изумленіе.

— О, милосердный Создатель! если только этотъ богатырь изъ неприятельскаго стана, то онъ одинъ уберетъ нашихъ тысячу таминцевъ. Сохрани же насъ Господи, прошепталъ про себя Кариббай.

Шурá въ это время сидѣлъ на конѣ неподвижно; чубарый билъ землю передними ногами, величаво, граціозно махая головою.

Чѣмъ пристальнѣе вглядывался Кариббай въ Шурá, тѣмъ больше сердце его нагрѣвалось теплотою. При видѣ его, онъ вспомнилъ брата своего Нарикбая и находилъ въ незнакомомъ величественномъ всадникѣ большое сходство съ нимъ. А конь-то какъ похожъ на его чубараго жеребенка, подумалъ Кариббай и невольно подѣхалъ къ Шурá. Тутъ онъ ближе разглядѣлъ юношу и убѣдился, что красивѣе его едва-ли найдется въ мірѣ другой молодецъ. И Шурá нашелъ въ Кариббай большое сход-

ство съ отцомъ, вспомнилъ своихъ родителей и готовъ уже былъ разрыдаться, но сдержался и сдѣлалъ почтительный салямъ.

— О, мой сынъ! откуда ты взялся? куда ты ѣдешь? изъ какого рода происходишь?

— На этотъ вопросъ я отвѣчу вамъ послѣ. Теперь прошу разрѣшенія вашего держать мнѣ рѣчь. Вы, кажется, близкій мнѣ человекъ. При первомъ взглядѣ на меня вы посмотрѣли съ такою любовью, что я сразу почувствовалъ сердечную отраду. Вы также не отрывали очей своихъ и отъ лошади моей. Скажите, пожалуйста, не признаете-ли вы меня за кого-нибудь?

— О, сынъ мой! если только не измѣняетъ мнѣ память отъ старости, я призналъ твою лошадь. У моего средняго брата, Нарикбая, былъ жеребенокъ по четвертому году, который ничѣмъ не отличался отъ твоего коня, да и самъ ты, по посадкѣ, напоминаешь мнѣ молодость Нарикбая, покинувшего насъ съ своими сорока юртами, чтобы скитаться по бѣлу свѣту, вымаливая себѣ у святыхъ праведниковъ дѣтище. Я почему-то предчувствую, что ты долженъ быть Шурá, который такъ дорогъ моему сердцу, какъ племянникъ. Зовутъ меня, дорогой мой, Кариббаемъ.

Шурá соскочилъ съ коня быстро, какъ молнія, и крѣпко обнялъ Кариббая.

— Предчувствіе ваше васъ не обмануло, я племянникъ вашъ, Шурá, истребившій тысячу дѣтей айрактинцевъ, сразившій жестоко Али-бія, изуродовавшій злаго его брата Тасъ-мергена. Я не могъ оставаться тамъ съ горстью своихъ таминцевъ и долженъ былъ слѣдовать на родину своего отца, чтобы отыскать своихъ родовичей и вернуться съ внушительной силой къ айрактинцамъ. Сегодня я встрѣтилъ стараго таминца, Тубылгышала; онъ указалъ мнѣ вашъ аулъ, и вотъ, послѣ многихъ мѣсяцевъ странствованія и пережитыхъ путевыхъ опасностей, я, наконецъ благодареніе Богу, очутился въ родномъ аулѣ, гдѣ провелъ счастливое дѣтство отецъ мой Нарикбай. Ну, какъ вы поживаете, дорогой дядя?

Кариббай вмѣсто отвѣта зарыдалъ, нѣжно потрепалъ Шурá по щекамъ крѣпко сжалъ его въ объятіяхъ и осязавшись о здоровіи Нарикбая, своихъ Гуль-ханьесъ и всѣхъ таминцевъ поименно.

— Какъ здравіе дорогаго дяди Иссымъ-бія и нашихъ всѣхъ любезныхъ таминцевъ? спросилъ Шурá.

— Они всѣ, по милости Вседержителя, здоровы и невредимы. Но вотъ горе! Три дня тому назадъ учинили на насъ нашествіе калмыки и угнали всѣ наши табуны, оставивъ намъ лишь верблюдовъ и верховыхъ лошадей. А ты знаешь, какіе у насъ были табуны. Чтобы только объѣхать

ихъ, требовался цѣлый день. Саба наши остались пустыми, но немѣнью кумыза. Женщины и дѣти плачутъ и не могутъ успокоиться отъ страха, наведеннаго калмыками. Бѣдный Иссымъ-бія! голова у него идетъ кругомъ. Онъ теперь все занятъ составленіемъ отряда и сборомъ лошадей для преслѣдованія хищнаго непріятеля. Тяжело ему управляться съ этимъ дѣломъ, да поможетъ ему въ трудное время самъ всевышній! Теперь, дорогой мой Шурá, ты отдохни, а завтра поѣзжай къ Иссымъ-бію; повидаться съ нимъ, да кстати и проститься. Вѣдь онъ предпринимаетъ опасное дѣло. Что случится съ нимъ—я не знаю. Вѣдь всѣ мы ходимъ подъ Богомъ. Да, мой дорогой, въ печальное время пріѣхалъ ты къ намъ, заключилъ съ глубокимъ вздохомъ Кариббай.

Въ этотъ день Шурá остался перночевать у Кариббая. Его пришелъ привѣтствовать двоюродный братъ, Тасанъ мирза, въ сопровожденіи многихъ таминцевъ. Восторгу и радости не было конца; вечеръ закончился большимъ *объѣдомъ во имя Всевышняго*. А къ Иссымъ-бію послали гонца получить сунчи, по случаю неожиданнаго прибытія Шурá. На другой день, съ разсвѣтомъ, Шурá быстро собрался въ отрядъ Иссымъ-бія, захвативъ съ собою первыхъ встрѣчныхъ таминцевъ. Онъ подѣхалъ прямо къ пестрой палаткѣ Иссыма и слѣзъ съ коня. Вѣсть о прибытіи Шурá облетѣла отрядъ съ быстрою молніею. Народъ сбѣгался со всѣхъ частей лагеря. Многие не могли дождаться очереди, чтобы привѣтствовать Шурá. Палатка Иссымъ-бія была окружена плотною стѣною народа, и отъ тяжести его едва не осѣла земля. Каждый приѣхавшій воинъ-таминецъ счелъ своимъ долгомъ погладить чубараго коня. Когда рослый Иссымъ-бія здоровался съ Шурой, голова его достигла лишь плечъ послѣдняго.

— Такого молодца въ нашей странѣ нѣтъ; было-бы хорошо назначить Шурá предводителемъ всего войска, а Иссымъ-бію ввѣрить отдѣльный отрядъ, загудѣли воины.

Иссымъ приходилъ въ восторгъ отъ Шурá, тысячу разъ благодарилъ Бога за то, что Онъ послалъ Нарикбаю и Гуль-ханьесъ такое дѣтище.

— Боже мой! Вѣдь эта моя сила, моя опора, мой булатъ, разсѣкающій камень, мои крылья для высокаго полета, твердилъ, отъ избытка чувствъ Иссымъ-бія, спрашивая Шурá о здоровьи его родителей и безсчетно обнимая его.

— Отецъ мой Нарикбай, мать Гуль-ханьесъ и всѣ таминцы, по милости Милосерднаго, пребываютъ въ добромъ здравіи и благополучіи. При отъѣздѣ моемъ, всѣ они, со слезами на глазахъ, послали вамъ искренній привѣтъ, моля Вседержителя о счастливой встрѣчѣ.

Измь-бй съ почтениемъ взглянуть слова Шурь, склонить къ груди

— Дорогое мое дитя! Камьки отрядили насъ, мы остались пьшми, страна наша утратила свое достоинство, народъ нашъ настолько дурокъ, что дружно склонить его къ выступлению въ Акъ-кага. Теперь я собираюсь, не теряя времени, въ погоню за варварами камьками, чтобъ спасти наши несмьтне табуны, которые намъ достались съ большимъ безпокойствомъ, трудомъ и потомъ. Ты же, неопытный мой Шурь, возвращайся въ аулъ, отдохни тамъ до нашего возвращенія и дай вздохнуть чубарому коню. Мисердје и защита нашего Творца безгранична! я уповая на Него, авось Онъ, какъ и всегда, явится нашимъ покровителемъ и намъ удастся возвратить созданиа, изъ которыхъ многи были угнаны изъ родныхъ степей, оставая осиротьныхъ жеребятъ. Когда наступитъ этотъ свьтлый день, мы съ Божьей помощью сядемъ на лошадей и поведемъ въ Акъ-кага, чтобъ привезти дорогихъ нашему сердцу таминцевъ.

— Измь-акел! я не покину васъ въ такое время! Чужь мнѣ дь-латъ въ аулъ? Первый день я буду постить, во второй день я потеряю значение гостя, а на третій—сокручусь. Чьмъ терять свое достоинство среди женщинъ и дьтей въ аулъ, не лучше ли мнѣ принять участие въ вашей походѣ, дорогий дитя? Въдъ я прибылъ сюда, некая защита моихъ таминцевъ? Разъ они найдется въ такомъ тяжеломъ положении, неужели-жъ я немогу имъ принести какую-либо пользу и заслужить этиа ихъ расположеніе?

Слова Шурь задыли за живое вопновъ—таминцевъ...

— Чубарый конь долженъ принять участие въ бышней скачкѣ, и самъ Шурь въ жезокой ечь! Когда камьки опустошили наши поляна саба, когда заставили они рыцать нашихъ обьдатель бойшихъ табуновъ, когда сверглись на насъ всю тяжестью небесная облака, намъ послать Бевышви этого прекраснаго юношу-бегатьри. Не это ли чудная милость Создателя, дарованная намъ въ опасную минуту!... О, Измь-бй! мы должны горячо благодарить Его, за безконечную къ намъ милость и щедроты. Теперь наша дуржина будетъ напоминать главные полки независимаго Тиньра, этого счастливьшисаго героя въка! неистово кривали война, потрясая воздухъ и размахивая руками. Такое воодушевление таминцевъ еще болѣе подумало духъ Шурь.

— Я убьденъ, что въ числѣ вашихъ доблестныхъ воиновъ много такихъ людей, ради чести, ради чести, ради чести, ради чести и ради чести, чтобы принять участие въ этомъ походѣ; а что можетъ

остаться въ ихъ дотое отступствѣ съ ихъ несчастными семьями, которые оставлены прямо таки на попечение самого Бога. Я вижу въ этомъ отрядѣ много людей, которые рьшили едять этотъ походъ пьшкомъ, ради отчужденія. Такое самоотверженіе доточно полно похвалы. Но я рьшаюсь вамъ сказать, мой дорогий дитя, что эти самоотверженные ваши слуги, какъ бы ни были они храбры и выносливы, все же будутъ вамъ въ этомъ походѣ помьхой. Что вы будете дьлатъ съ этой мелкотой и голыю перекатной? Въдъ придется ихъ бросать въ доробъ, какъ говорится, на произволъ судьбы! Своєю готовностью мечь косями они уже заслужили себѣ полную похвалу. И я просилъ бы васъ отступить ихъ съ Богомъ къ думочауцамъ. Все, что они могли-бы принести поканато въ этомъ походѣ, я рьшаюсь принять всецело на себя и буду просить въ данномъ случаѣ помощи многотиваго Создателя.

Измь-бй вполнѣ согласился съ мнѣниемъ Шурь и отправилъ бьднѣвшихъ и пьшихъ таминцевъ обратно въ аулъ. Остальной отрядъ съ распушенными знаменами и значками выступилъ въ походъ, по той доробѣ, по которой камьки угнали табуны.

Отрядъ двигался такъ быстро, что вскорѣ камьки оказались вне-рѣди только на день бьднѣ.

Тамичи желали дотавить неприятеля возможно скорѣе и, уже приближаясь къ дурькѣ Кабсарай, нѣкоторые изъ воиновъ, на лихихъ скакунахъ, порывались бьхать впередъ, въ качествѣ охотниковъ.

Начавъ это дия, на развѣтъ, оуниъ изъ камьковъ, по имени Кузмабьтъ, служившій въ камьковомъ лагерѣ въ качествѣ начальника каравана, разставленнаго цьпью сади неприятельскаго стана, видѣлъ сонъ, который, по его мнѣнью, предвѣщавъ ему что-то надобное.

— Судя по сну, который мнѣ приснился сегодня на развѣтъ, насъ должны настичь скоро неприятель, во главѣ котораго—чудо-бегатьри, по имени Шурь. Этотъ молодецъ, по могушеству своему, можетъ соперничать съ сказочнымъ Хазь-бегатьромъ). Ужъ если онъ настичетъ насъ, то, вьроятно, натворитъ бьды, какъ воляи, показавше въ стадо беззашитныхъ барановъ. Мнѣ думается, что намъ необходимо теперь же, ночью, погнать табуны далѣе, подъ надѣжнимъ прикрытиемъ, сказать со страхомъ Кузмабьт-бегъ.

— Однако, какой же ты трусъ! испугался сна, расхотался това-рищи Кузмабьтса. Въдъ сонъ, это не что иное, какъ инсй пометь! Чего

же тутъ трясеть? Напротивъ, если ты испугался во снѣ, то значитъ обрѣдущаяся на-авъ... Да и какой непріятель можетъ преслѣдовать насъ? Неужели ты опасался Исмъ-бѣ, который мы смѣло можемъ преслѣдовать. Убавь до самого его звука, тѣмъ потому онъ не отступается въую неслѣду. А насчетъ Шуръ твой тревол совершенно нѣтъ; какъ онъ можетъ очутиться здѣсь, живя въ Акъ-кага?

— Не рано ли вамъ, друзья, смѣяться надо мною?... Посмотрѣль-бы в насъ, когда представляеть предъ нами на своемъ чубаромъ конѣ Шуръ и какъ начнеть подметать насъ, какъ негодный мусоръ!... Напрасно, напрасно вы воображаете, что я между вами одинъ изъ выдающихся турсовъ.

Однако совѣтъ Кузмакета не былъ принятъ, и онъ, раздѣренный, легъ снова спать.

Когда стало совершенно свѣтло, калмыки стали собираться въ дѣлѣ-нѣйшій путь, оставивъ на Кабатаръ, развѣдчика, калмыка Садыра. Они, повидимому не торопились. Тамъ лабуны меленнымъ шаломъ, не утруждая жеребихъ кобылицъ, жеребятъ и хронихъ лошадей. Посторонний человекъ, моль бы предположить, что калмыки гонятъ собственный скотъ. До того Ухолода ихъ безпечность и самоуверенность.

Теперь вернемся къ тамничамъ. Въ отрядѣ ихъ набралось довольно много желающихъ принять участие въ компаніи охотниковъ и вотъ эти молодцы поскакали на своихъ стѣ въ компаніи охотниковъ. Проскакавъ порядочное пространство, ихъ обогналъ Шуръ на своемъ чубаромъ конѣ. Охотники не успѣли и глазомъ моргнуть, какъ онъ пролетѣлъ мимо, быстро останавливаясь Кабатаръ. Не смотря на такую беззоначную степь, охотники не только не могли сказать въѣздъ съ Шурой, но даже терали всякую надежду удержатъ его въ виду,—такъ быстро несли онъ. Въ началѣ они видѣли нѣтъ, поднятую чубарымъ, потомъ черное пятнышко лихого скакуна съ сказочнымъ болатиремъ, а затѣмъ отъ вора ихъ исчезло все.

Наконецъ, Шуръ примчался къ сторожевому посту Садыра. Въ началѣ Садыръ и его команда изъ лесовъ калмыковъ не могли различить, плеча ли огромныхъ разъяровъ летѣтъ къ нимъ, или же что-либо другое. Когда уже Шуръ очутился около самого ихъ носа, тогда лишь калмыки увидѣли, что предъ ними выростъ болатиръ въ боевыхъ доспѣхахъ. Величественный видъ Шуръ выразилъ жесткое почтение калмыковъ къ болатиру,

и они поспѣшили сдѣлать ему, по своему обычаю, салить. Но Шуръ не обратилъ на это вниманія.

— Дорого пути, храбрый всадникъ, прозвонеть Садыръ. — Я потерялъ несмѣтные лабуны, а потому потерять и снѣ. Споскобствіе въ душѣ моей возобудится только тогда, когда ко мнѣ вернется утраченное, сказалъ прозвон Шуръ.

— Я вижу, что въ тебѣ развита слишкомъ большая самоудѣльность! Ты знаешь, что мы хищная птица, всегда помышляющая о добычѣ; ты знаешь также, что мы царственные львы, не упускающие изъ своихъ лапъ понававшую жертву. То, что полагъ въ наши мощныя руки, уже обратно не возвращается. Это право, которое мы постановно приудерживаемъ и свято исполняемъ. Безполезно хлопочешь ты о своихъ лабунахъ, которые уже болѣе не твои. А вотъ на счетъ коня, на которомъ ты сидишь теперь, надо потолковать, и, пожалуй, тебѣ придется съ нимъ расстаться, сказалъ серьезно Садыръ.

— Или ты цыганъ, ничтожный калмыкъ, или же предъ побѣдою твою Болъ отпалъ у тебѣ разумъ! Ты взгляни кто стоитъ предъ тобою?... Ужъ подлинно: "ворона, которой часть пробытъ, бросается на беруга". Въдъ всего вашего калмыкского племени не хватить мнѣ для одного глотка! О, ничтожныя творенія! я вамъ такую возможность въѣтъ дѣлать чело-вѣкамъ сдѣлать въ меня по три выстрѣла изъ вашихъ жалкихъ пуковъ, какъ бы въ отместку мнѣ за то, что я сейчасъ натворю вамъ.

Калмыки послѣдовали приказанію; Садыръ сталъ съ краю. Натравивъ мощною рукою лукъ, Шуръ пустилъ стрѣлу и всѣхъ калмыковъ по-ложилъ на мѣсть, за исключеніемъ Садыра, который удѣлалъ, Садыраръ тому, что встать съ краю. — Ну, что братецъ! Куда дѣвалась твоя львиная храбрость, какой ты сейчасъ лишь хвастался? сказалъ Шуръ Садыру, связывая ему руки и сажая его на лошадь, въ насчетъ своего провозника, по доробѣ къ непріятелю.

Продолжая свой путь, они стали приближаться къ калмыкскому отряду, который узналъ лабуны тамничевъ.

— Ступай, скачи впередъ и предупреди своихъ воиновъ, что ѣдетъ за тобою Шурá-батырь.

Садырь почтительно повиновался приказанію и со связанными руками поскакалъ къ своему отряду. Подъѣхавъ къ посту Кузмамбета, онъ съ трепетомъ сказалъ:

— За мною ѣдетъ Шурá; если не вѣрите мнѣ, то можете убѣдиться въ этомъ, когда увидите его чубараго коня. Я вамъ совѣтую не сопротивляться ему. Это послужитъ вамъ лишь къ гибели, и ни одинъ изъ васъ не вернется на родину.

— Не вы ли пренебрегали моимъ совѣтомъ, когда я просилъ погнать табуны ночью, не выжидая утра? Я вамъ предсказывалъ смыслъ моего сна, а вы подняли меня на смѣхъ, что, молъ, сонъ не что иное какъ „лисій пометъ“. Вотъ теперь и отдувайтесь, какъ хотите, а я складываю оружіе, сказалъ Кузмамбетъ, увидѣвъ представительнаго Шурá и сдѣлавъ ему почтительное привѣтствіе.

Калмыки тѣмъ не менѣе встрѣтили Шурá враждебно, злобно посятривая на него. Шурá не обратилъ на нихъ никакого вниманія и величественно началъ объѣзжать непріятельскій лагерь. Увидѣвъ свои табуны, онъ пришелъ въ такую ярость, которую трудно передать. Чубарый конь, какъ-бы чувствуя настроеніе своего хозяина, сталъ горячиться и таскать Шурá по всему калмыцкому стану. Закипѣла душа молодого богатыря, и вотъ онъ началъ производить опустошеніе въ рядахъ непріятеля. Послѣ cadaго его размаха валялось съ лошадьми по десяти калмыковъ. По всему лагерю скакали безъ сѣдоковъ непріятельскія лошади, со скатившимися на животъ сѣдлами. Вездѣ и всюду валялись изувѣченные калмыки, оглашая воздухъ своими стопами, а Шурá, какъ молнія, носился по лагерю, истребляя непріятеля; онъ щадилъ только тѣхъ, которые изъявили ему покорность и просили даровать имъ жизнь. Натѣшившись въ волю, онъ приказалъ калмыкамъ повернуть табуны обратно, т. е. по направленію къ Казану. Затѣмъ приказалъ зарѣзать жирную кобылу и приготовить обѣдъ. Калмыкамъ приказано было собирать дрова для таминскаго отряда. Работа закипѣла; котлы съ варившимся кобыльимъ мясомъ тоже кипѣли. Словомъ, Шурá сидѣлъ, какъ у себя въ аулѣ, распорядясь непріятелемъ, словно собственной прислугой. Такъ блистательно шли дѣла Шурá, когда прибылъ съ своимъ отрядомъ Исмыль-біи.

Таминцы были поражены этимъ зрѣлищемъ, свидѣтельствовавшимъ на каждомъ шагу о небываломъ погромѣ за нѣсколько лишь часовъ до ихъ прибытія. Они пришли въ умиленіе, когда увидѣли свои мирно пасущіеся

табуны, кипящіе котлы и изувѣченныхъ калмыковъ. „Да благословитъ великій Богъ доблестнаго Шурá! вырвалось у всѣхъ таминцевъ въ одинъ голосъ.

А чубарый конь, живой свидѣтель только что происшедшаго, стоялъ на приколѣ, выбивая копытами землю и описывая круги, точно мечталъ сдѣлать шестью прыжками разстояніе въ день ѣзды.

На слѣдующій день таминцы составили военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено отправить табуны обратно въ Казань, а самимъ двинуться во главѣ съ Шурой къ представителю всѣхъ калмыковъ, Караману, чтобы отобрать у него табуны.

— Намъ не избѣжать новыхъ нападений Карамана, а теперь въ особенности. Онъ будетъ мстить намъ за позоръ Кузмамбета и Садыра. Единственное спасеніе для насъ, если мы убьемъ его, съ помощью нашего яснаго сокола и небывалаго богатыря Шурá. Тогда только для насъ настанетъ тихая и мирная жизнь, галдѣли таминцы съ гнѣвою у рта, садясь на лошадей.

И такъ таминцы, отправивъ свои табуны домой, двинулись во владѣнія Карамана. Ъхали они день и ночь, съ большою поспѣшностью, забывъ о снѣ и отдыхѣ. Главнымъ путеводителемъ у нихъ былъ Кузмамбетъ, а съ Садыромъ закончили еще въ дорогѣ. Послѣ многихъ дней въ пути, они наткнулись на безчисленные табуны Карамана. Пасло ихъ болѣе шестидесяти калмыковъ. Пастухи эти всѣ были взяты въ плѣнъ. Таминцы получили отъ нихъ подробныя свѣдѣнія о Караманѣ. Оказалось, что онъ съ сорокатысячнымъ отрядомъ выступилъ въ походъ, для занятія какого-то узбекскаго города и что столица Карамана пуста, а текущими мирными дѣлами завѣдуютъ сестры Карамана, Ханькей и Таныкей.

Озлобленные таминцы отбили табуны Карамана, но алчность ихъ неограничилась этимъ. Хотя, между прочимъ, при дѣлежѣ досталось каждому изъ нихъ по пятидесяти лошадей, они все же жаждали занять покинутый городъ, предвкушая обильный грабежъ базаровъ и домовъ. Кроме того, воины имѣли въ виду завладѣть сестрами Карамана, чтобы отдать ихъ въ жены Шурá и Исмыль-бію. Съ этою цѣлью весь отрядъ таминцевъ двинулся къ городу.

Въ числѣ множества лошадей калмыцкихъ табуновъ выдѣлялась рѣзко одна. Это былъ пятигодовалый сѣрый скакунъ, принадлежавшій Караману. По красотѣ своей и быстротѣ, онъ превосходилъ всѣхъ лошадей. Выступая въ походъ на узбековъ, Караманъ пожалѣлъ молодость сѣраго коня и оставилъ его въ табунахъ.

Шурá, увидѣвъ этого скакуна, былъ изумленъ необыкновеннымъ складомъ его и приказалъ поймать, но сѣрый, почувявъ опасность, поскакалъ къ городу. Шурá пустился за нимъ на своемъ чубаромъ конѣ, вплоть до самыхъ стѣнъ города, но безуспѣшно. Сѣрый несся все время впереди на разстояніи взмаха пика; домчавшись до городскихъ воротъ, влетѣлъ въ нихъ. Очутившись въ своей конюшнѣ, сѣрый не могъ отдышаться. Ноздри его отдувались, глаза блестѣли огнемъ, а уши торчали вверхъ. Видно было, что онъ никогда не подвергался такому преслѣдованію. Увидѣвъ взмыленного коня, Ханыкей и Таныкей заплакали, чувствуя что-то нехорошее.

— О, Боже! кто могъ напасть на наши табуны, кто могъ преслѣдовать по пятамъ нашего сѣраго скакуна, который въ состояніи ускакать отъ любой птицы?

Мы предчувствуемъ, что на наши табуны напалъ этотъ баспословный Шурá. Вѣдь говорили-жь, что онъ обладаетъ чуднымъ конемъ, быстрота котораго поражаетъ всѣхъ и cadaго. Очевидно и сѣрый нашъ подвергся его преслѣдованію, говорили съ трепетомъ сестры, обтирая шелковымъ платкомъ потъ съ головы своего любимца.

Прекративъ погоню за сѣрымъ скакуномъ около самыхъ городскихъ воротъ, Шурá отѣхалъ въ сторону и оставался тамъ до ночи, пока не подѣхалъ къ стѣнамъ города отрядъ таминцевъ. Онъ былъ скученъ и мраченъ; конь его, какъ-бы чувствуя свою вину, не ѣлъ корма. Шурá до сего времени былъ увѣренъ, что не найдетъ соперника его чубарому скакуну.

Отрядъ Исымъ-бія оставался до утра за стѣнами города.

Когда городскія ворота растворились, чтобы выпустить въ поле рогатый скотъ, таминцы бросились въ нихъ съ адскимъ крикомъ, поднявъ густое облако пыли, отъ которой не видно было ничего. Такимъ образомъ городъ былъ занятъ безъ боя. Шурá тотчасъ же поѣхалъ во дворецъ Карамана и возсѣлъ тамъ на престолъ. Его сопровождали Исымъ-біи и Тасанъ-мирза.

Въ теченіе трехъ дней городъ былъ подвергнутъ опустошительному грабежу таминцевъ. Награбленной добычѣ не было конца и счету.

Такъ какъ таминцы продолжали свой безпощадный грабежъ и неистовствовали въ городѣ, Шурá и Исымъ-біи приказали воинскимъ начальникамъ немедленно призвать ихъ къ порядку и собрать всѣхъ въ строй. При провѣркѣ оказалось, что во время грабежа убито двѣсти таминцевъ.

Когда въ городѣ все успокоилось, Шурá вступилъ въ законный бракъ съ Ханыкей, и Исымъ-біи съ Таныкей, а Тасанъ-мирзу женили на дочери

Карамана. Кузмамбетъ же получилъ важное назначеніе по управленію калмыками. И такъ въ городѣ потекла спокойная, мирная жизнь.

Спустя мѣсяць, занявъ узбекскій городъ, поженивъ на дочеряхъ ихъ старшихъ и младшихъ воинскихъ своихъ чиновъ и обративъ женъ узбековъ въ рабынь, Караманъ подѣхалъ къ своему городу.

Онъ уже зналъ о поженіи дѣлъ, а потому для переговоровъ послалъ въ городъ своего помощника. Онъ долженъ былъ немедленно потребовать сѣраго скакуна и предложить Шурá выѣхать на поле брани, вооружившись и облачившись въ боевые доспѣхи.

Получивъ такой вызовъ, Шурá собралъ военный совѣтъ.

Что намъ теперь предпринять: сразиться ли съ отрядомъ Карамана въ городѣ, или же дать ему битву на открытомъ полѣ?

По моему мнѣнію, надлежитъ оставить городъ и выступить на поле брани. Калмыки, находящіеся въ городѣ, несомнѣнно еще питаютъ къ намъ вражду, и весьма возможно, если мы сразимся съ отрядомъ Карамана въ стѣнахъ города, то можемъ потерпѣть неудачу, сказалъ Исымъ-біи Шурá.

Планъ Исымъ-бія былъ одобренъ всѣмъ отрядомъ; таминцы стройно выступили изъ города и, выбравъ себѣ удобную позицію, встали противъ непріятеля. А сѣрый конь между тѣмъ былъ отправленъ къ Караману.

Минута была торжественная. Оба отряда ожидали жестокой битвы и готовились по первому знаку пуститься въ кровавый бой.

Наконецъ, изъ непріятельскаго стана, по порученію Карамана, выѣхалъ одинъ всадникъ и подѣхалъ къ Шурá-батыру.

— Я послалъ къ вамъ моимъ властелиномъ для переговоровъ. Заботясь постоянно о благополучіи своихъ подданныхъ, Караманъ избѣгаетъ бесполезнаго кровопролитія. Онъ предлагаетъ вамъ рѣшить побѣду поединкомъ. Такъ какъ въ обоихъ нашихъ станахъ только два богатыря, которые могутъ помѣряться богатырскими силами, то Караманъ дѣлаетъ вамъ вызовъ сразиться съ нимъ. Согласны-ли вы принять такое его условіе, сказалъ посланный Шурá.

Шурá принялъ предложеніе и послалъ къ Караману человѣка передать, чтобы онъ не нарушалъ условія поединка и не пускалъ своихъ воиновъ для общаго побойща и что иначе и онъ, Шурá, прикажетъ своимъ таминцамъ начать бой.

Тишина была могильная; ни одинъ воинъ въ станѣ не шелохнулся, всѣ, притаивъ дыханіе, остались словно застывшіе, въ ожиданіи небывалаго побойща двухъ исполнновъ.

Наконецъ, медленно и сурово выхлеть на своемъ сбромъ скакунѣ Караманъ. Онъ былъ весь одѣтъ въ желѣзо. Руковатка копья его, по толщину, не уступала балу, а ручка батика, висѣвшая на плечахъ, напоминала стогъ. Каждый воинъ въ этотъ моментъ думалъ, что онъ видитъ предъ собою Карамана).

Одновременно выхлеть къ нему на встрѣчу и Шуръ. Чубары въ этотъ день былъ особенно красиво, криво махалъ онъ головою, выбивалъ землю копытомъ, раздвигалъ ноздри и нестолово фыркалъ.

Тамъ сошлись два восточника и силача, принявъ на себя каждый по нѣскольکو тысячъ смертей, которые ждали ихъ въ рвннхъ вонюхъ.

— О, Шуръ! ты знаешь беззащитный мой городъ, отблгъ у жалкихъ монхъ пастуховъ табуна, женился на беззащитной дѣвицѣ, не увидишь ли твоя храбрость?... Ну-ка вмахни своимъ батикомъ, пусть свою стрѣлу, поблди своей шашкой, поверги своей пики! сказалъ подлугу Караманъ.

— Ты камика, а я кипригъ, но это не похваляю намъ породниться. Ты знаешь мои табуны въ отсутствіе мое, а я, дурень, съелъ это за святство, и вотъ, по волѣ судьбы, стала твоя злеть, а ты монхъ телемъ; итакъ, знаешь ли въ расчетъ. Право *ничъ* поединокъ принадежитъ тебѣ, какъ старшему, а я уже буду *дуду конитъ*, сказалъ съ улыбкой Шуръ.

Караманъ озлобился отъ шутки Шуръ, веталъ бокомъ, доталъ въ кочану лука и стрѣлу и натянулъ послѣднюю съ такою силой, что правая рука его оцупилась у правого уха; стрѣла со свистомъ полѣтѣла, но не попала въ Шуръ. Батикъ Караманъ выпустилъ еще двѣ стрѣлы, но такъ она была отбита шиломъ.

Настала очередь Шуръ. Онъ веталъ дѣвкамъ бокомъ впередъ, вынулъ длинную стрѣлу, натянулъ ее до того, что металлическая часть ея коснулась дла дла лука, и пушная стрѣла съ трескомъ попала въ Карамана, пробила колычу, но задержалась въ катлау). Сблудущія двѣ стрѣлы были пушны также мѣтко, но благодаря колычу, не причинили особеннаго вреда Караману.

Тогда противники сошлись на копьяхъ. Дары были усажающие, отъ которыхъ прожгла земля. Ботатри блнсь до тѣхъ поръ, пока не разошлись свои коня съ дребези. Оса они отличались необыкновенной силой,

1) Имя одного героя; поблдетъ, неподблжкмы, колушественный (говорятъ о паряхъ).
2) Халатъ, специально предназначенный для ношения подъ колычугой. Онъ простежанъ на шеехъ очень часто, чтобы задерживать стрѣлу и не дать ей войти глубоко въ тѣло.

храбростью и ловкостью, такъ, что перебѣса не было ни на одной стогорбности. Противники разгорячились и вались за батик. Сначала они разблхались, а затѣмъ налетѣли дуръ на дуръ, словно разъяренныя льва. Наконецъ жаркое поблше. Дары, наносимыя дуръ дуръ были на столько сильны, что коня богатырей ела удерживались на ногахъ, а трескъ и стукъ напоминалъ прохотъ тяжѣлыхъ кузечныхъ молотовъ. Наконецъ, Шуръ и Караманъ схватились за шашки. Зубъ ожесточение. Ушло до крайнихъ предѣловъ. Блнсь они до заката солнца. Длн перебраны, отъ ударовъ острыхъ шашекъ, всѣ рвнн, на которыхъ держались жѣззные дубьки противниковъ. Караманъ выблсь изъ силъ и прекратилъ поблше, проси Шуръ отложить составаніе до блудшаго утра. Такъ разблхались два чудабогатыря.

— Мне уже сорокъ тѣтъ, но я еще не видывалъ такого молодца, сказалъ утомленный Караманъ, по возвращеніи въ свой станъ.

Не мало также былъ пораженъ мужествомъ Карамана и Шуръ. — Отовъ нашъ еще не погасъ, съеты наши еще не окончены. Мы употребили въ дѣло всѣ орудія, которыми владѣютъ доблестные воины, но все это не привело ни къ чему. Попробуемъ ли теперь, свѣтль мой, Шуръ, силъ свои въ единоборствѣ, сказалъ Караманъ на другой день, выходя на поля поединка.

Шуръ принялъ предложеніе и оба богатыря, приваая свои боюхъ скакуну въ дѣрелу, засучивъ рукава и шаровары, вступили въ борьбу. Тамъ съ Икма-блкъ рыдали и просили помощи Блвншннго; они потеряли всякую надежду на поблду, потому, что Караманъ былъ величайшаго роста. Когда они схлнлись на борьбу, голова Шуръ не достигла плечъ противника. Первые моменты Караманъ пытался встрлкнуть Шуръ, по усилія его были напрасны; Шуръ оставал на мѣстѣ, какъ жѣззанный стогъ, врытый въ землю. Караманъ тѣмъ не менѣ сблдилъ за удобннмъ моментомъ, словно коршунъ, но Шуръ былъ крайне остороженъ и сблдилъ за каждаго его увлеченіемъ и почиткой. Такъ вознлсь три дна и три ночи неутомимые богатыри. Наконецъ, Шуръ вышелъ изъ терпѣнья, подбилъ Карамана, словно маленькнй свертокъ кошмы, и, ударивъ его о землю, сблгъ ему на дуръ.

— О, невѣрный камика Караманъ! ты долженъ теперь принять мою вбру, иначе тебѣ смертъ! закричалъ Шуръ.

1) Вероятно, обращеніе къ Блвншннку на камикакомъ нарѣчн.

мань. Вру твою в отвратю. Я был чистъ, какъ бѣлый лебедь, но ты первый запачкалъ спину мою о землю, которая до сихъ поръ не касалась ея. Прощу тебя, прежде чѣмъ слѣзть съ меня, отръжь мнѣ голову, или дѣй сестрой моей и сѣрмяй скакункомъ. Для тебя дороль базаръ сего мира, а для меня базаръ заробанато мира! продолжай Караманъ и затихъ на этихъ словахъ. Шуръ моментально выхватить кинжалъ и такъ же быстро отръзалъ голову Карамана.

Калмаки безсозвѣстно нарушили договоръ. Пользуясь своею многочисленностью, они начали битву. Оба отряда ринулись дуръ на дуръ и сдвиглись словно дѣвъ огромныя рѣки. Рубились шашками, словно нагайками, кровь бѣжала, какъ вода, надъ полемъ битвы носились облака пыли. Богатыри Шуръ, Исма-бей и Тасанъ-мирза, съ помощью Милосерднаго и Вадъсучаго, подметали калмыковъ, словно метлою. Поле брани было покрыто сплошною массою труповъ, какъ обширное поле хлѣбопашцевъ некончаемыми снопами. Поле трехднѣвнаго ожесточеннаго боя, тамникамъ былъ данъ отдыхъ. На каждаго изъ тамницевъ за доблестный трудъ дѣлались покоривъ столицу Карамана, тамники еще не могли оставаться съ спокойною совѣстью; имъ нужно было получить и дургихъ подвѣдомственихъ Караману калмыковъ. Для этой цѣли отрядъ Шуръ дѣлалъ походы на окрестныхъ калмыковъ. Полное спокойствіе и возвращеніе порядка послѣдоваго только черезъ семь лѣтъ послѣ боя съ Караманомъ.

И такъ, наконецъ, наступила для тамницевъ мирная и спокойная жизнь, послѣ безконечныхъ походовъ, лишений и некончаемыхъ смертей. Спокойная жизнь не особенно благопорно повлияла на настроеніе Шуръ. Однажды на него наша сильная хандра, и онъ слегъ въ постель. — О, дороль мой Шуръ! Что съ вами случилось? Не имѣете ли вы совсѣтливую невѣсту, не скучаете ли по ней. Или же нужно искать причину нашей грусти въ чемъ-либо дурномъ? спросила съ участіемъ Ханькей-суй).

— Вы единственная моя подруга жизни, дурой у меня нѣтъ, скажте, прослезившись, Шуръ. Но у меня есть дурья тяжкая печаль. Я оставилъ своихъ дорольхъ рудителю съ собою юртовладѣльцамъ тамни-ками среди многочисленныхъ вратовъ алракницевъ, а самъ отравился въ Казань, чтобы вернуться обратно съ отрядомъ, и отомстить этимъ невер-

гамъ. Но Всевышнему угодно было распорядиться иначе. Я попалъ въ несчастныя старикиами, сказать даже страшно. Я не могу, дороль моя Ханькей-суй, оставаться болѣе дуръ. Мы должны отправиться въ Казань, а затѣмъ, съ отрядомъ тамницевъ, подъ предводительствомъ Исма-бей, выступить въ Акъ-кага.

Шуръ немедленно потребовалъ къ себѣ Кузмюбета, вручилъ ему полномочное управленіе калмаками, а самъ, забравъ все богатство, обратенное войною въ этой странѣ, выступилъ съ тамниками и съ сотнею челоувѣкъ близкихъ родственниковъ въ Казань.

Ханькей-суй побѣла на богато убраннымъ иноходцѣ, по имени "ботан", самъ Шуръ на сѣромъ скакунѣ Карамана, а чубарого вели въ поводу. Ровно черезъ мѣсяцъ тамники были уже въ Казань. Они были восторженно и радостно встрѣчены почетными людьми, которыхъ Шуръ награждалъ подарками; при этомъ карибой получилъ неслѣжное количество драгоценныхъ вещей. По случаю радостнаго событія устроены были той, который продолжался цѣлую недѣлю. По приказанію Шуръ, на базаряхъ Казана развѣшали плашты, пригласивъ тамницевъ и дѣти войною на алрак-тинцевъ въ Акъ-кага. Векоръ составилъ отрядъ въ шесть тысячъ коннаго войска, при шести знаменахъ и двадцати четьрехъ значакъ. Каждый воинъ имѣлъ при себѣ, какъ путевое дорожное, по одному куджуму "курта").

Не мало ногей, рѣкъ и безводныхъ пустынь пришлось переѣхать выискивая тамникамъ, пока, наконецъ, они въ полномъ изнеможеніи достигли предѣловъ вадѣвнй Акъ-кага. Переваживая каменистыя кручи Тамъ-дугака, чубарый скакунъ пронзительно заржалъ, наострилъ уши и отчаянно сталъ бить копытами. Онъ вспомнилъ опасные моменты, когда Шуръ предостерега смертъ отъ руки злополучнаго Тасъ-мерена, которому Шуръ, за его злой умыселъ, отръзалъ носъ и уши.

— О, каменистый и высокий Тасъ-дугакъ! Я привѣствую твою бѣгавъ свѣжыми вершинами! Семь лѣтъ тому назадъ ты былъ свидѣтелемъ, какъ сгорѣвшій Шуръ, одинъ какъ перстъ, побѣгалъ въ Казань, къ своимъ роднымъ тамникамъ. Теперь ты его вновь видишь, во главѣ шести-тысячнаго отряда!... О, Кермесенъ-сая! что-то ты судишь къ комому возвращенію? Тасъ размышлялъ Шуръ, сдвывая съ чубарого уопущенія лѣса, переваливъ Тасъ-дугакъ.

Въ это время спустился къ роднику дна гурта барановъ, и до
слуха Шуръи ответно стало доноситься разговоръ дувухъ пастуховъ.

О ты, собака-таминецъ! къ чему смѣшалъ своихъ барановъ съ
козми? Какъ в тебѣ выдѣло своихъ, не зная даже и принять ихъ?
Они достались мнѣ недавно и совершенно случайно. Ты, должно быть,
имѣешь намѣреніе присвоить ихъ себѣ, какъ пригубившій скотъ. Это
вѣрнѣе возможно, потому что ты и сами-то у насъ пригубилъ, да и по-
мысли ваши такіе же.

— О, собака-айрактинецъ! виновать ли я въ этомъ? у тебя такой
крошечный гуртъ барановъ, ты скорѣе можешь повернуть своихъ въ сторону.
Вѣдь зря ты меня ругаешь, чуждѣвая силу своихъ айрактинцевъ.
Ужъ если ты сознаешь наше молущество, то я совѣтую тебѣ
подумать хвостъ! Вѣдь ты, таминцы, ничтожная тварь, обреченная пасти
скотъ; а слышишь такъ, что кто-нибудь и убогъ! вашего брата-таминца,
то и кувъ не обязанъ пастись за васъ.

И безъ тебя знаю, что насъ много; да что-жъ изъ этого, что
насъ много, когда ты ни больше, ни меньше, какъ сорная трава, или
стая воронъ, на которыхъ если налетитъ вѣтеръ, похититъ одну, то ос-
тавыны только заталдытъ и больше ничего... Если ужъ ты очень храбръ,
то сколько получиши куна съ Шуръи за убитыхъ имъ тисичу коровъ, два
айрактинца и за урбѣе Тасъ-мерена?

— Куна мы не получили никакого; за то наши таминцы стали на-
инки работниками: пастухъ нашъ скотъ, собираютъ насъ толмно, дѣвухи-
ки наши говорятъ намъ объѣдъ, таскаютъ погу... А что вамъ Шуръи? Вѣдъ-

О, свѣтъ мой! ты говоришь самую правду... Но помотать-бы
и на айрактинцевъ, когда-то прѣхалъ изъ Казана насъ величественный
левъ Шуръи! Тогда-то, пожалуй, суръа нашихъ дѣвухъ взпынлась къ
лучшему, а вы, собаки, поплакались-бы своими головами.
Утромъ эти вывели соперника изъ себя, и онъ, съ приобъжавшими
айрактинцами, сталъ наносить таминцу такіиу жестокие побои.

— О, заслунникъ нашъ, Шуръи! когда-то ты прѣдешь къ намъ!...
О, Бевышинъ, услышишь ли Ты нашу молитву? зарыдайтъ, громко пригова-
ривая, таминецъ-пастухъ, получаи побой отъ своихъ неурпуговъ.
Тогда крѣпился Шуръи, но заслышавъ рыданья и мольбу несчастнаго
пастуха, не выдержалъ, пообъжалъ и разбросалъ въихъ айрактинцевъ во
вѣ стороны.

— Какъ вы смѣете нападать на одного человека такою оравою? за-
кричалъ онъ на айрактинцевъ.

Несчастный пастухъ сразу узналъ своего покровителя, со слезами
упалъ на колѣни и обхватилъ ноги Шуръи.
— В разговоръ и невѣдайкъ, сказать ему Шуръи, за мною стѣбуютъ
пестъ тысячу таминцевъ. Скажи, урджикше, управствують ли мои доротиѣ
родители и коровъ юртовладѣльцевъ-таминцевъ?

— Четыре года послѣ вашего отъѣзда мы жили спокойно и никто
отрабиги насъ, превратили въ своихъ слугъ и всячески издѣвались надъ
калмыкомъ Караманомъ. Айрактинцы, получивъ извѣстіе о вашей гибели,
намъ. О, мой Шуръи-батьра! мы теперь безпомощные люди и безропотные
холопы айрактинцевъ. Низвержи до такой нисости, что вынуждены выдѣ-
лать своихъ дочерей за женатыхъ своихъ вратовъ. Отецъ и мать ваши,
благочареніе догу, управствують. Но, увы! бѣднота ихъ дошла до край-
нихъ предѣловъ: онъ нѣжуются въ ежедневной пищѣ и добываютъ ее
тяжелымъ трудомъ. Старикъ работаетъ кетменемъ, а мать занимается при-
жею. Много дѣтъ взоры ихъ были обращены по направлению къ Казану,
но все было тщетно: не могли дождаться насъ.

И дождешь теперь оправдаться къ своему отряду; ты побѣдилъ къ
команду доучителя, сообщи имъ, что я дѣду и поучилъ съ нихъ суюнчу.
— О, мой господинъ! повѣствая мой бѣднота. Не разъ при-
ходили слухи о вашемъ прѣѣдѣ и не разъ получали со стариковъ суюн-
чу. Но вполнѣ слухи эти не подтвердились и старикъ прѣжѣе-
женно разговаривалъ. Теперь они и не повѣрятъ моему сообщенію. Убѣдитъ
ихъ можно только тогда, если вы дадите мнѣ связать къ нимъ вашего
чужаро коня; онъ бѣдетъ явнымъ доказательствомъ вашего присутствіа.

Шуръи дасть чужаро пастуху; онъ со страхомъ съѣлъ на него и,
какъ вихрь, полетѣлъ въ аулъ Нарикбадъ. Присканавъ тула, онъ засталъ
Лугъ-ханкешъ за приикои, а Нарикбадъ стоялъ съ кетменемъ, печально по-
нуривъ голову.
— О, почтенные старикъ! Ли ясь и Ли насъ настатъ сегодня
свѣтлый день, сирѣва возшло солнце, сѣтра—полная луна... Воротъ
намъ, дайши и везелъшии вамъ богатырь-Шуръи, бѣдетъ вѣдѣтъ за
мною! Дайте же мнѣ суюнчу! И разговаривалъ съ нимъ, онъ бѣдетъ съ
богатыми отрядами, въ сопровожденіи Иемъ-оги и Тасанъ-мира, вооружи-
нугъ, торжественъ, настухъ, еривая съ головы Нарикбадъ жалкую баранью
шанну.

— Много, свѣтъ мой, я получалъ такихъ вѣстей, но въ онѣ какъ знались потомъ ложными. Сниско тебѣ за доброе слово. Могу только сказать тебѣ одно: "твой-бы слова да ангелу въ уши!"

— Я вижу, вы мнѣ не вѣрите! такъ посмотрите на чубарого скакуна! Нарикай, увидѣвъ чубарого, бросился къ нему, заревѣвъ, какъ ребенокъ; обхватилъ шею коня и, какъ повшанный, сталъ цѣловать его въ лобъ. Чубарый стоялъ смиренно, съ легкой улыбкою. Туль-ханъ и Нарикай не знали, что дѣлать. Они тряхнули обоими съ плачемъ чубарого коня.

— О, мой дорогой чубарый! благополучно ли ты доверъ мое единственное сокровище?... О, Боже! жаль ли я предположить, что побѣду еще на этомъ чудномъ Твоемъ созданіи! сказалъ съвозъ радости Нарикай, садясь на незабвеннаго чубарого коня, чтобы похвалъ на вѣрную Шуръ.

Мнугу спустя, чубарый уже мчалъ на себѣ Нарикая. Не долго ему пришлось вѣхать, какъ предъ нимъ показался шестилучный отрядъ. Впереди вѣхли величественно Шуръ, Исметъ-бѣ и Тасанъ-мира. Замигив Нарикая, въ трое съезли съ лошадей; ихъ припры пострѣловалъ и Нарикай. Встрѣча была торжественная, трогательная и удивительная. Слезъ радости лились потоками. Вѣдѣвъ за этимъ подѣхала и Туль-ханъ. Она со слезами ринулась къ Шурѣ и повисла, рыдая, на его шею. Восторгу ея не было конца; она не знала, какъ обласкать его. Во время этой суматохи, поскандалъ гонецъ къ Кара-хану, чтобы извѣстить его о

присѣлѣ Шуръ.

Получивъ отъ гонца свѣдѣніе, Кара-ханъ пришелъ въ такой восторгъ, что едва не случилось съ нимъ разрыва сердца. Онъ впопыхалъ събѣжать на лошади и, въ сопровожденіи одного лишь есаула, поспекалъ по направлению къ отряду Шуръ. Встрѣча Кара-хана съ Шурой была не особенно задушевная.

— Скажите мнѣ, пожалуста, мой востительный ханъ! чѣмъ я могу объяснить печальное положеніе моихъ несчастныхъ подданныхъ и горести тамницевъ? спросилъ Шуръ.

— О, мой дорогой Шуръ! въ теченіи четырехъ лѣтъ, я отечески переска о твоихъ подданныхъ, носилъ ихъ почти на своихъ рукахъ и голубилъ. Я тогда еще имѣлъ власть, подобающую хану. Но потомъ въ мою ханствѣ распространился слухъ, что будто бы ты полонъ отъ руки калмыка Каракана. Съ того времени или меня полого все. Брати подданныхъ головъ. Я былъ уже безпомощнымъ и съ скупленнымъ сердцемъ смотрѣлъ на насилие, грабежъ и обиду. Можешь все это узнать отъ тѣхъ, кто былъ очевидцемъ этихъ жалкихъ дѣлъ.

По требованію Шуръ, немедленно ему былъ представленъ Тасъ-мергенъ. — Ты, очевидно, запомитовалъ мое порученіе, данное тебѣ на Тасъ-булакѣ? Вѣдѣвъ я же просилъ тебя передать поклонъ Кара-хану и твоимъ адриктинцамъ, чтобы послѣдніе сидѣли смиренно и не чинили никакихъ адриктинцамъ? Плохо же ты запомнилъ мою просьбу, сказалъ Шуръ, сверкая глазами и задыхаясь отъ гнѣва. Прошло одно мгновеніе и отъ Тасъ-мергена осталось только одно воспоминаніе: онъ былъ изрубленъ Шурой въ мекіе руки.

— Да благоговѣть Великій Богъ! закричалъ промовникъ голосомъ Шуръ, обращаясь къ своему отряду. Истребите вѣхъ адриктинцевъ, чтобы отъ нихъ не осталось и заваки, приказалъ онъ своимъ воинамъ. Трудно себѣ представить, что происходило въ теченіи трехъ дней бои! Городъ и окрестности его были урваны трупами адриктинцевъ; злобоніе отъ разложившихся труповъ было невыносимо. Лошадъ не было ни одному адриктинцу; въ сорокъ тысячъ адриктинцевъ, за исключеніемъ самого ничтожнаго количества, которые, скрывъ свой родъ, успѣли укрѣпиться у Туркеновъ.

Вѣдѣвъ за этимъ Кара-ханъ былъ поднятъ на бѣлой кошѣ и провозглашенъ ханомъ. Онъ управляетъ благополучно дѣсятью тысячами ногайцами.

О дальнѣйшихъ дѣяніяхъ Шуръ-батыра намъ ничего неизвѣстно. По некоторымъ свѣдѣніямъ, онъ вернулся съ своими тамницами обратно въ Казань.

А теперь сотворимъ молитву за упокой душъ этихъ, нѣкогда протрѣвшихъ по всей вселенной, чуждо-бортарей! Да обогрѣнитъ Господь тяжкую надмогильную ихъ насыпь.

На этомъ мы закрываемъ свои уста. Да проститъ насъ читатель, если въ повѣствованіи наше выражается невольная ошибка. Вѣдѣвъ мы люди, а люди иногда ошибаются.

А. Дюма.

